

ИОСИФ ИБН ЗАБАРА

КНИГА УВЕСЕЛЕНИЙ

ПЕРЕВОД С ИВРИТА: ДАН БЕРГ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПЕРЕВОДЧИКА

Автор “Книги увеселений” испанский еврей Иосиф ибн Забара родился и жил в 12 веке в Барселоне. Иосиф пошел по стопам отца, избрав профессию врача. Это поприще доставило ему уважение и любовь соотечественников.

Забара слыл одним из образованнейших людей своего времени. Досконально знавший медицину и эрудированный в естественных науках, он владел ивритом, арабским и греческим языками, глубоко понимал тонкости Библии и Талмуда и, наконец, писал и переводил прозу и стихи. Именно литературное творчество принесло ему мировую известность.

Еврейская литература сравнима с широкой рекой, русло которой протекает сквозь страны и века, а воды полнятся из собственных родников и из кладезей других народов.

Стержнем сюжета написанной на иврите “Книги увеселений” послужило путешествие Забары с неким новоявленным его другом по имени Эйнан, впоследствии оказавшемся дьяволом. Произведение изобилует занимательными историями, баснями, поговорками, стихами, многие из которых взяты автором из арабских, греческих, индийских источников. Писатель придал заимствованиям национальный дух и колорит, насытив текст выражениями из Библии и Талмуда.

Юмор – главное украшение книги, и тут немалую лепту вносят научные диспуты, ведущиеся персонажами с позиций средневековых знаний, и потому кажущиеся скорее шутивными, нежели серьезными.

Известны три издания книги: в 1577 году в Куште (Стамбул), в 1865 году в Париже и в 1925 году в Берлине. Книга переведена на английский и каталанский языки. Шломо Крол опубликовал в интернете русские переводы нескольких фрагментов.

Настоящий перевод выполнен на основе берлинского издания. Переводчик позволил себе известную свободу в стремлении заинтересовать современного читателя книгой, сочиненной девять столетий тому назад.

Меткий забористый юмор не убоится времени, и оно не сотрет его блеск. Этой идеей руководился переводчик, и он надеется на единомыслие читателя, предлагая его вниманию умную, познавательную и, главное, забавную “Книгу увеселений” Иосифа ибн Забары.

Дан Берг

1. СТРАННЫЙ ГОСТЬ

Жил когда-то в городе Барселоне человек иудейской веры по имени Иосиф ибн Забара. Жил достойно и праведно, скромно и тихо. Врачевание – ремесло и искусство его. Равной мерой прилагал умение свое ко всем недужным, целил и юношу и старика, и богача и бедняка, и господина и раба. Люди тянулись к нему, восхваляли, почитали, искали благорасположения его. А он отвечал верностью, дружбой и любовью.

Утомившись усердием дневных дел, Забара отправлялся на ночной покой. Есть труд душевный, и есть труд телесный. Занятие лекаря соединяет оба вида. Сон несет отдохновение и душе и телу. Умиротворенно засыпая, Иосиф припоминал согласные с его опытом мнения древних мудрецов о животворной силе сна.

Раз во сне явился к Забаре человек высокого роста и вида благонамеренного. Незнакомец обратился к Иосифу со словами приветствия и стал настойчиво предлагать испить вина и отведать яств, и разложил в живописном порядке знаки хлебосольства. И здесь, упреждая дальнейшее повествование, сообщим читателю, что великое множество всевозможных приключений выйдет из знакомства Забары и его тороватого визитера, и, конечно, никакой сон не вместит подобного изобилия. А коли так, то это и не сон вовсе, а явь.

Видит Забара, в руках незнакомца горит свеча, льет свет на кушанья и на напитки, на хлеб и на вино, на мясо и на зелень. Лекарь смущен.

- Садись, ешь и пей со мною! – пригласил незнакомец.
- Что сие означает, милостивый господин? – недоуменно спросил Забара.
- Хочу потрафить тебе лучшим с моего стола.
- Кто ты таков?
- Я человек. Один из твоего народа, благонравия ретивый обожатель, и потому я здесь.
- Чиста ль твоя еда, мой господин? – спросил с сомнением Забара.
- Праведника истого вопрос!
- Я разумею закон народа нашего не прикасаться к мясу, если кровь в нем.
- Сам сторонюсь запретного и единомерцу каверзу не учиню.
- Хорошо. Однако, не молились мы! Чему быть прежде – пище иль молитве? Любой мудрец, наш или чужой, первенство молитве отдает, ибо она – душа, а пища – тело бренное. Разве с полным брюхом пристало с богом говорить?
- Что ж, делай по разумению твоему.

Забара помолился и омыл руки, а последовал ли его примеру незнакомец – свидетельств нет. Иосиф принялся за еду и вкушал яства и радость насыщения вкушал. Настал черед питья, и не видит Забара ключевой воды.

- Что ищешь взглядом?
- Хочу воды испить.
- Возьми вина. Гляди, искрится как призывно, как манит ароматом! – воскликнул незнакомец.
- О, нет, мой друг! Вино не гоже мне, - ответил Забара.
- Чем заслужил твое презренье дар лозы?
- Напиток сей лишает меры сил, у старика ворует мудрость, в юном сердце разжигает похоть, развязывает языки, к предательству склоняет, до опасного предела натягивает узы братства и любви – всего не перечесать!
- Неужто люди во зло себе изобрели вино?
- А послушай-ка, что сказал поэт:

Нектара сладостью манит вино,
Но горечь отрезвления впереди.
Измены пьяной не свести пятно,
Ответа равного от друга жди.

Хмельное мудрому годится, как алмаз
Подходит к рубищу бездомного бродяги.
Глупец кутил за разом раз,
Рот окривел, конец бедняге!

Гость слушал стихи нетерпеливо, с обидой в лице.

- Ты выпятил худое, скрыл доброе, на вино возвел напраслину.
- Я черпаю из опыта веков. Всего лишь.
- И я так поступлю. Душу веселит вино и истребляет из нее печаль, вселяет в сердце мужество и гонит страх, молодит старика и любовью зажигает юношу, исцеляет боль и заостряет ум.
- Вино прокладывает путь к греху.
- Остановиться на том пути не поздно никогда. Молитва придет на выручку, не так ли?
- Ты прав.
- Прав и ты. Когда предмет полезен в доле малой – не бери большую, чтоб не сменил природу добрую на злую.

Забара остался доволен последней сентенцией гостя. Принес из кладовой ковш чистой ключевой воды, угостил незнакомца, отпил сам. “Странный человек, подозрительный пожалуй”, – подумал Иосиф.

2. ЖЕНСКОЕ КОВАРСТВО И МУЖСКАЯ ПРОСТОТА

Странного гостя принял врач Иосиф ибн Забара в своем доме в Барселоне. Визитер, человек высокого роста, речистый и благонамеренный, не сказал, как зовут его, зато гостинцами - возом отменных яств – изумил хозяина и сладкими речами склонил к ублажению чрева. По окончании застолья незнакомец предложил Забаре оставить родные места и идти за ним туда, где мастерство и мудрость барселонского лекаря найдут истинно достойное признание.

- Дражайший господин мой, - начал Иосиф, - похвал и кушаний твоих я вдоволь отведал, но имени твоего до сих пор не ведаю. Откуда ты пришел и куда путь держишь?
- Имя мое – Эйнан. Я прибыл из далекой страны и направляюсь в сказочное место, куда и ты должен следовать со мною непременно.
- Говоришь загадками, Эйнан. Тревогу селишь в сердце моем. Взгляд у тебя острый, всевидящий. Глазастый ты.
- Я во всем тебе ровня, - сказал Эйнан, - и умом, и красноречием, и знатностью, и исповеданием Забаре подобен. Доверься мне, подружись со мной, и все тайны тебе открою.
- Довериться? Да ведь я весь, как на ладони!
- Не то. Соизволь сопутствовать мне, и я приведу тебя в чудесную страну, где люди, здешним не в пример, поголовно все умны, добры, любезны и, главное, воздадут Иосифу заслуженный почет.

- Я родился и воспитан в сей земле. Здесь вековые корни рода моего. Я купаюсь в море любви народной, и сам люблю сограждан благодарных. Уйти, дабы изведать крепость уз взаимности? Химеры ради уйти? Покинешь отечество для иного края, и чужие не признают своим, и для своих чужим станешь. Кто месту своему изменит, тому удача изменой отомстит. Когда пробьет мой смертный час, земляки, горюя, бальзамами обмажут холодеющее тело, и, сколь возможно, мумию от тлена сберегут.

Последние слова Забары развеселили Эймана. Гость рассмеялся. Хозяин уставился на него обиженным взглядом.

- Воистину, речь твоя умна неотразимо, словно вторишь великим мудрецам, - сказал Эйнан, - однако, один философ-насмешник советовал не слишком рьяно следовать его советам и помнить, что за все в ответе своя головушка. Разве утешат мертвеца бальзамы и жизнь продленная никчемных его останков? Моль съест кафтан, а черви насладятся тем, что им прикрыто.

- Есть здравомыслие в твоих словах, но сердце холодит оно, - ответил Забара.

- Попробую добавить здравомыслия, и потеплее. Здесь чтут тебя и любят, и на новом месте добудешь почета и любви. Так приходит слава, а она любую мумию переживет. Человеку твоего замаха не гоже носу не казать из дому. Девиз твой – много видеть и многим быть известным. Домосед – болото, стоячая вода, которая не оросит ни луг, ни поле. В движении ищи благословение земным делам.

Забара слушал, понурился, вздыхал то и дело.

- Отчего грустишь, Забара? Откройся другу, и упорхнет печаль.

- Весь век бы странствовал, да жизни нет второй, которую я дома проведу. Ты слишком добр ко мне, чтоб я, забывши стыд, своими опасениями огорчал тебя, - ответил Иосиф.

- Говори, и вместе рассеим недоразумения!

Забара упрямылся, но все же уступил медовым увещаниям Эймана, взявши с него слово не держать обиду.

- Гость дорогой! – начал Забара, - ты потчевал меня едой отменной и льстивой речью, теперь зовешь с собой неведомо куда, суля все блага мира. Я, вспомагаясь всепроникающим сиянием одной из наших книг, замечу следующее. Всякий, у кого лицо горит от возбуждения – суматошен. Глаза пронзительные – примета хитрости и к каверзам любви. Тонкий нос и ноздри трепетные выдают склонность к ссорам. Большие уши на вероломство намекают. Высокий рост – знак необузданных страстей, и коль расстояние от головы до сердца велико, прямоты не жди, ибо души стремления истинные не достигают языка.

- Да ведь ты портрет рисуешь мой! – возопил Эйнан и сделал оскорбленное лицо, - пустословие надело личину глубокомыслия!

- Вот, так и знал я, слова мои тебя задела! Но, высказав опаску, душу облегчил. Ты прав был.

Забара и Эйнан оба смущены. Но разве откровенность помеха дружбе? Спасая репутацию гостеприимного хозяина, Забара предложил рассказывать поочередно занимательные истории, дабы потоком приятных слов загасить искру размолвки. Байки о женском коварстве и мужской простоте как нельзя лучше согреют сердца мужей. Начинает Забара.

Лев и Лиса

Жили по соседству гривастый Лев и рыжая Лиса. Дружили. Лев – зверь сильный и добрый. Бывало, после ночной охоты проглотит жадно добычу и греется на солнце, слушает льстивые лисьи речи. Отчего ж не дружить с рыжей? А у той другого выбора, кроме дружбы, не было. Однако, боялась Лиса Льва. Кто знает, что новый день родит? Задумала она погубить царя зверей. Притворилась больной, стонет жалобно, слезы утирает хвостом.

- Что с тобой, Лисонька? – вопрошает Лев.
- Голова болит, да так сильно, что искры из глаз! – отвечает плутовка.
- Могу ли помочь тебе, рыжехвостая?
- Вот, слыхала я, лекарь один среди людей нашел верное средство. Если связать человека по рукам и ногам, и уложить его в постель на час-другой, любая боль утихнет!
- Связать тебе лапы, что ли?
- Сделай милость, свяжи покрепче, авось поможет!

Лев связал Лису, а через час она радостно кричит: “Спаситель ты мой! Не болит голова, развязывай меня!” Лев так и сделал. На другой день пришла Лиса ко Льву и видит, стонет друг. “Голова моя бедная! – рычит Лев, - выручай, Лисонька, ты ведь знаешь средство!” Дождалась Лиса! Крепчайшая тетива уж заготовлена у нее. Лев доверчиво протянул лапы, и Лиса крепко, как могла, стянула их множеством петель и узлов. Потом взяла прибереженный острый камень, подобралась ко Льву со спины и со словами “Сейчас, пройдет твоя голова!” изо всех своих лисьих сил ударила Льва острием в висок, и из того дух вон. Довольная удавшейся хитростью, Лиса засемила в лес, весело напевая: “Надуть дурака – это вовсе не сложно, ну, а теперь заживу бестревожно!”

“Хороший рассказ. Слабый лучше в качестве врага, чем друга, - потеплевшим голосом сказал Эйнан, - теперь мой черед. Слушай.”

Багдадский ювелир

Жил себе в Багдаде один ювелир, золотых и серебряных дел мастер. Великий был искусник, но и скромник не меньший. Не любил расхваливать свой товар, а трудился от зари до зари в мастерской и задешево отдавал тонко сработанные вещицы. А жена ювелира ужасно хотела обратить мужнино искусство в богатство и славу. Как-то заходит она в мастерскую и говорит супругу, мол придумала, как, наконец, обрести деньги и почет. Ювелир отложил в сторону инструменты, приготовился слушать откровения жениного ума.

- Есть у нашего царя юная и прелестная дочь, - начала женщина, - и отец обожает ее и бережет, как зеницу ока. Девушке уж пришло время идти под венец, и мечтает она о красавце принце, но царь не торопится дочку замуж отдавать, жаль ему с любимицей расставаться.
- И как же мечты девичьи и любовь родительская помогут нам? – перебил мастер.
- Мужской твой ум неповоротлив. Изготовь из серебра статуэтку, образ юноши прекрасного. Я пойду к царской дочери, подарю ей серебряного красавца, и принцесса влюбится в него. Глядишь, забудет свою кручину и не станет отца намеками одолевать. Этим и царю потрафим. Он тебя призовет ко двору, наградит щедро, прославит повсеместно.
- А-а-а, - только и протянул муж, восхищенно глядя на жену.

Ювелир вновь придвинул к себе инструменты и благородного металла слиток, и вдохновение пришло к нему, и он сотворил дивное диво. А жена его поступила, как и замыслила. Принцесса несказанно обрадовалась чудной статуэтке и, не думая долго, отдала своим головным платком.

- Глянь-ка на меня, муженек! – с порога выпалила примчавшаяся из дворца женщина.
- Вижу, вижу... – рассеянно пробормотал ювелир, не отрывая глаз от работы.
- Да ты и не смотришь, мужлан! Этот платок мне подарила благодарная принцесса!
- Тряпка эта не стоит и ногтя на пальце серебряного юноши. Лоскут сей и есть обещанное богатство?
- Тугодум! Вот-вот царь пошлет за тобой и наградит!

Тем временем счастливая принцесса поспешила к отцу показать серебряное чудо. Увидав статуэтку, царь пришел в гнев неопишумый. “Кто сотворил эту мерзость?” – возопил монарх. “Ювелир такой-то...” – трясущимися от страха губами ответил придворный и поддержал готовую упасть в обморок юницу. “Доставить сюда богохульника! Прилюдно отрубить ему правую руку! Пусть знает народ, как карает вера наша за ваяние образа человеческого!”

И исполнили палачи царский указ, и отрубили ювелиру правую руку, и несчастный чудом жив остался. Быстро обнищал без заработка. Всякий день, в ненастье и в ведро, выходил калека на городскую площадь и вопил, что было сил: “Люди добрые! Не слушайте глупых жен своих! Зло от них!” Раз кричал-надрывался, и кровь хлынула из горла, и он умер в страшных муках. Спасет от несчастий и бед круговерти голос призывный ангела смерти.

“Будь я в Багдаде в то время, как лекарь, помог бы бедолаге, - вздохнул Забара, - однако, история эта поучительна для мужчин. А вот послушай-ка, Эйнан, другой рассказ, тоже о человеке мастеровом.

Столяр из Дамаска

Известен был в славном городе Дамаске столяр-краснодеревщик, и многие слыхали о великом его умении. Вот, как-то стоит он за верстаком, с головой в работу ушел. Напротив супруга его сидит, пряжу прядет. Мужчина молчит, и скучно женщине.

- Помнишь ли, муженек, моего отца, мир праху его? – начинает она разговор.
- Помню, - скупое отвечает столяр.
- А ведь он, как и ты, деревянных дел мастером был.
- Знаю.
- Ты правой рукой работу делаешь, левой только помогаешь. А отец обеими руками все умел.
- Отродясь такого не бывало, женушка! У всякого мастерового одна рука главная, другая подсобная.
- Жизнью клянусь, у отца обе руки на равных трудились, и мастер он был поискуснее тебя!

В сей момент покинуло столяра обычное его благоразумие и он переложил резец из правой руки в левую, дабы показать жене, что и он не лыком шит. Неловко строгать левой рукой, непривычно. Скользнул резец мимо дерева, и столяр отрубил себе большой палец правой руки. В страшном гневе он хватил этим резцом жену по голове, и та залилась кровью и умерла. Дошла до властей весть об убийстве, и притянули столяра к суду, и порешили лишить жизни посягнувшего на чужую душу. В чистом поле связали ремнями и до смерти забили камнями.

“Прискорбно! – заметил Эйнан, - не гоже мужчине женский вздор слушать. А сейчас расскажу тебе повесть о верной любви и низком коварстве. Слушай внимательно, Забара.”

Любовь и вероломство

Некой восточной страной правил мудрый и добрый царь. Говорили, однако, что к женщинам он не расположен и ценит их невысоко. А царские визири держались другого мнения. Как-то собрались они в диване, и вошел монарх, и они поклонились ему, и завязался разговор на приятную тему. Визири восхваляют женщин. Они-де умны, скромны, мужей любят и верны им, достойно детей растят, сплетен чураются и тайны надежно хранят. Царь не согласен решительно. Мол, если и являют женщины добрый нрав, то притворство это, и они лишь ради выгоды стараются, и над страстями своими порочными не властны, и грешницы в душе.

Дабы бесконечный спор сей разрешить, царь говорит визирям: “Найдите мне любящую супружескую чету. Пусть муж будет примерным семьянином и ловким купцом, а жена - обладательницей мнимых добродетелей, кои вы приписываете женскому племени. С помощью этих двоих я покажу вам, кто из нас прав в разумении женской природы.

Потрудились визири и, наконец, сообщили царю, что искомое обнаружено. Царь призвал к себе примерного семьянина и ловкого купца и с глазу на глаз повел с ним разговор.

- Я слышан о твоих достоинствах, добрый человек! – начал царь.
- Благодарю. Твой раб склоняет голову перед повелителем, - с трепетом произнес купец.
- Отчего же раб? В другой ипостаси ты нужен мне.
- Весь в твоей воле, о, царь!
- Слушай, славный купец и любящий муж, какова моя надобность. Есть у меня единственная дочь, и она дорога мне больше жизни. Пришло ей время идти под венец, и не хочет она ни принца, ни вельможу в мужья, а желает честного торговца, человека простого, но с добрым сердцем и умной головой. Слово дочери непреложно. И вот, я нашел тебя, и прошу стать мне зятем.
- О, владыка! Да ведь я женат! – воскликнул польщенный монаршим доверием, но донельзя изумленный купец.
- Для царя нет препон неодолимых. Царь рубит узел. Сегодня же ночью убей жену, а завтра сыграем свадьбу.
- Пощади, государь! Я люблю жену, мать деток моих. Не поднимется рука.
- Я сделаю тебя первым визирем. Озолочу и прославлю. Забудешь опасные торговые странствия, станешь жить во дворце, и ложе твое согреет юная красавица – царская дочь. Другим и не грезится, что тебе сбывается!
- Я десять лет женат. Супруга любит и почитает меня, холит и бережет от зла. И убить ее?
- Возвращайся домой, купец, и крепко подумай над царским словом.

Вышел купец от царя, и в душе его негодование, страх и печаль. А дома ждет его нежная жена, тревожится. “Поздно явился нынче. Все ли хорошо у тебя? Здоров ли, муженек?” – спросила. “Все хорошо, любезная женушка!” – ответил несчастный купец.

Наступила ночь, и, убоявшись монаршей мести, купец взял в руки меч, вошел к жене в спальню. Увидал в лунном свете мирно спящую верную подругу, и любовь одолела страх, и опустил меч в ножны, и не совершил греха. В сердце своем проклял всех в мире царей, себялюбцев жестокосердных. А на утро занялся обычными торговыми делами и весьма гордился собой.

Не дождавшись купца, царь вновь послал за ним.

- Убил жену? – спросил монарх.
- Нет, владыка, пожалел ее! – смело ответил купец.

- Прочь с глаз моих! Не мужчина ты, баба!

И ушел купец, доволен, что дело окончилось. Но дело-то продолжалось. Царь велел тайно доставить во дворец жену купеческую. И наедине, но широко распахнув двери, повел с ней беседу.

- О, чаровница! – начал царь, - я наслышан о твоих добродетелях и восхищен твоей красотой!

- Ах, господин, я простая женщина и не достойна монарших похвал!

- Восхитительная скромность! Прелестница, нет равных тебе в подлунном мире! Я влюблен без памяти, не могу жить без тебя и во что бы то ни стало должен на тебе жениться!

- Ах, повелитель мой! – воскликнула, зардевшись, жена купца, и сердце ее бешено заколотилось в груди, - ведь я мужняя жена!

- Для царя нет препон неодолимых, царь рубит узел! - повторил монарх накануне произнесенные слова, - убей мужа, и станешь моею!

- О, я раба твоя, послушна воле царской.

- Не рабой, а любимой женой будешь мне. Прочих жен и наложниц в прислужницы тебе дам! Царство унаследуешь и владычество безраздельное обретешь!

- С легким сердцем исполню приказ!

- Этим орудием проложишь путь к вершине, - сказал царь, вручая женщине оловянный меч, - а утром я жду новостей.

До земли поклонилась купчиха царю, покинула палаты и припустила домой. Ласково встретила мужа, накормила любимыми кушаньями, поднесла вина, и еще поднесла, и еще. Хмельной, улегся купец спать. А жена вошла к нему, и, ничтоже сумняшеся, без страха и трепета, размахнулась мечом и, что есть силы, ударила им спящего. Оловянный меч разломился пополам. Купец пробудился, трет шишку на лбу, кричит: “Кто ударил меня?” Тут жена впервые испугалась, выпалила: “Спи, милый, вино тебе в голову ударило, или сон привиделся!” Утром спрятала обломки меча, боясь, как бы муж не узнал, и к царю не пошла.

Не дождавшись купчихи, царь послал за ней. Та явилась, страх и досада на лице.

- Убила мужа, красавица? – спросил монарх.

- Нет, - потупившись ответила она.

- Пожалела? Или любишь его?

- Не о том речь, владыка, - осмелев, проговорила жена купца, - меч, что ты мне дал, - никуда не годен, сломался надвое, и рухнул твой план! Я ли виновата в этом?

- Жди в этой комнате, женщина! – промолвил царь, пряча ухмылку.

Монарх вошел в диван, где собрались визири. Он приказал позвать купца и велел тому поведать историю отвергнутой женитьбы. И торговец выложил все без утайки, ничего не прибавляя и не убавляя, а визири почтительно слушали. Затем царь отправил купца восвояси и кликнул из соседней комнаты купчиху, глянул на нее строго и потребовал немедленно и без оглядки на стыд правдиво рассказать о перипетиях минувших дня и ночи. И нехотя подчинилась она, и исповедь ее воочию явила пронизательность восточного царя. А что же визири? Те жадно внимали, разинувши рты, мучимы сознанием своей слепоты.

“Вот нагляднейшее свидетельство женского вероломства!” – воодушевленно воскликнул Забара и, забыв о размолвке, горячо пожал Эйнану руку. Физиономия последнего выражала многозначительность и глубокомыслие. “Нет предела коварству женщины, - продолжил Забара, - она и убить готова, и над мертвым мужем надругаться может! И я знаю историю пострашнее твоей!”

Два мертвеца

Удивительный обычай соблюдался в одном заморском государстве. Ежели провинится кто перед царем, и владыка велит преступника повесить, то тело казненного будет предано земле лишь через десять дней. А до сего срока оно должно висеть в назидание подданным. Самое же необычайное состояло в том, что повешенного надлежало охранять вельможе, на которого падет выбор царя. А зазевается высокопоставленный страж, и украдут родичи тело единокровника, чтобы схоронить его, в тот же день вельможу самого вздернут на освободившейся виселице.

Как-то взбунтовался против царя некий вассал, и монарх без промедления решил судьбу бунтовщика, и тот окончил жизнь с веревкой на шее. И, согласно обычаю, знатный вельможа заступил на охрану. Спустилась ночь. Вдруг вдалеке раздался плач. Страж прислушался. Голос крепчал. Послышались стоны и вопли. “Что это значит, отчего и почему?” – спросил себя караульный. Плач не утихал, и любопытство одолело страх самому быть повешенным, и вельможа, вскочив на коня, помчался на крик.

Подъехал всадник к кладбищу и видит, молодая женщина пала ниц перед свежей могилой и рыдает, и кричит, и воздевает руки к небу, и рвет на себе волосы.

- Отчего ты ночью одна на кладбище, глупая женщина? – спросил вельможа.
- О, господин мой! – вымолвила несчастная, прервав рыдания, - я любимого мужа схоронила!
- Опасно здесь в такой час. Ступай домой, днем наплачешься вдоволь.
- Свет очей моих угас!
- Отправляйся домой, там и горюй!
- Тут я с ним рядом. Как жесток господь! Отчего и мою жизнь не взял? К мужу в могилу хочу, в землю сырую!

Женщина опять зарыдала безутешно, и великого труда стоило вельможе уговорить ее вернуться домой. Проводивши молодую вдову до городских ворот, он поспешил к своему повешенному, дабы не случилось беды. По дороге думал: “Какая сильная, какая верная любовь!”

На другую ночь вновь послышался скорбный плач. Всадник покинул свой пост, жалость сдавила горло. Он принялся утешать несчастную, и глас сострадания перевернул ее сердце.

- О, господин мой! Как добр ты, как чуток!
- Соболезную тебе, бедная вдова!
- Душа твоя подлинно ангельская. Есть ли в ней страсть ко мне? Скажи “да”, и я пойду с тобой на край света, ибо я полюбила тебя!
- Я исполняю долг, я возвращаюсь к казненному.
- Я с тобой!

Вместе они подъехали к виселице и, о ужас, тело повешенного украдено!

- Немедля беги к себе, а я скроюсь из этой страны, не то завтра мне самому висеть здесь! – в отчаянии воскликнул вельможа.
- Стой! Я придумала! Выроем из могилы тело моего мужа, доставим сюда и проденем его шею в петлю!

- Стыдись, кощунница! Над мертвым надругаться? Лучше смерть приму, а святотатство не совершу!

- Экий праведник ты! Да я сама раскопаю могилу и все прочее своими руками сделаю, и не будет на тебе греха.

Вельможа ответил молчанием, которое вдова приняла за согласие. “Разве худо, если мертвый живым пособит?” – промолвила женщина, а про себя подумала: “Чистоплюй, однако!”

И они вернулись к могиле, и женщина разрыла ее, и видит вельможа – на голове покойника копна волос. И закричал он в отчаянии: “Мой мертвец лысым был, а этот – кудрявый! Зря усопшего потревожили!” Вдова не растерялась. “От греха до греха – один шажок!” – выпалила она и мигом сбрила волосы с безжизненной головы. Так спасся нерадивый страж. А вдова нечестивая, бог ей судья, вельможу безгрешного взяла в мужья.

“Бесстыдные, лукавые, безбожные создания эти женщины!” – горячо воскликнул Эйнан. “Греховные, беспутные, порочные!” – еще жарче подхватил Забара.

- Один великий мудрец, - сказал Эйнан, - насквозь видел женщин и потому презирал их. А жена его была маленькая, да худенькая. “Почему такую неважную супругу себе выбрал?” – спросили мудреца ученики. “Взял меньшее из зол!” – ответил учитель.

- Другой мудрец гулял с учениками, - вторил Забара, - и прошла мимо женщина редкой красоты, и один из питомцев засмотрелся на нее. Учитель стал стыдить юношу, а тот не растерялся и возразил: “Не похоть мой взор направляет, но восхищение совершенным мастерством господ-творца!” Мудрец посоветовал в ответ: “Поменяй местами нутро и внешность и не красавицу, но образину страшную увидишь!”

- Как-то построил человек новый дом, - присовокупил Эйнан, - и начертал на воротах: “Зло не переступит сей порог.” Проходивший мимо мудрец дописал: “А жена твоя как войдет?”

- Некто задумал осчастливить друга, - добавил Забара, - и сообщил ему радостную весть: “Враг твой умер!” А тот ему в ответ: “Лучше б сказал, что он женился!”

Так рассказывали один другому побасенки, барселонский врач Забара и гость его Эйнан. Обиды подвинули их к сему состязанию. Эйнан посмеялся над хозяином, а Забара не утаил недоверия к гостю. И справедливо рассудили оба, что посетовать да попенять на коварство женщин – хорошее средство от размолвки. И вернулся приязнь в сердца мужей, и вновь Эйнан принялся убеждать Забару оставить родной очаг и вместе отправиться за почетом и славой. Как повел гость искусительную речь, так поскущнел хозяин, опять загрустил. И решился Забара, и рассказал Эйнану последнюю байку, дабы тот уразумел причину упрямства.

Чужой край – облыжный рай

Жили-были два приятеля, тигр по имени Полосатый и лис по имени Рыжий. Встретятся, бывало, на лесной тропе, присядут, поговорят. Об охоте, о добыче. Как-то пожаловался Полосатый, вот, мол, обеднели наши места пищей тигриной, а ведь семья большая – жена Полосатиха, детки, и иной день не досыта едят. Полосатый поплакался да и пошел домой, а Рыжий крепко задумался. “Опасно это. Оголодает тигр и разорвет меня, мясом накормит свое полосатое семейство, а шкуру роскошную Полосатихе подарит.” – воображал и содрагался лис. Выход один – расстаться с приятелем, пока не поздно. Но не хотелось Рыжему покидать этот край, и потому задумал он найти для тигра сытное место. Так и поступил.

- Эй, Полосатый! – крикнул лис, - я открыл новую страну!

- Рассказывай, дружище! – сказал тигр и приготовился слушать, открыв пасть.
- Земля эта далеко отсюда, но необыкновенно благодатна и сказочно красива.
- И что ты увидел в той земле?
- Сады цветут, поля зеленеют, мирт благоухает, розы источают нежный аромат.
- А еще что?
- Реки полноводные текут, ключи чистые бьют, озера голубизной сверкают.
- А еще что?
- Соловьи поют, стрижи снуют, голуби с голубками целуются.
- А еще что?
- Лани в рощах щиплют листву, козули прячутся в высокой траве, олени жиреют в лесах, козлы скачут по камням.
- Это – самое главное! Какая сытная страна! – воскликнул тигр и облизнулся.

И отправились Полосатый и Рыжий смотреть сказочный край, ибо глазам веры больше, чем ушам. И увидел тигр, как прав был лис. И сказал он приятелю, что желает перебраться со всей семьей на новое место, вот только посоветуется с супругой. Тут Рыжий огорчился, ибо знал, что Полосатиха не расположена к нему и станет отговаривать мужа, подозревая подвох. “Мудрецы поучают: спроси у жены совета и сделай наоборот”, - сказал Рыжий Полосатому. “Нет, я поступлю умнее. Ежели она даст совет по моему желанию – приму его, а ежели вопреки – отвергну, а то и побью вдобавок!” – ответил тигр.

Явился Полосатый домой, на сердце хорошо. У порога Полосатиха с нетерпением ждет запропастившегося куда-то супруга.

- Отчего это у тебя морда такая счастливая? Где пропадал? Тревожусь я! – встретила мужа Полосатиха.
- Судьба преподнесла нам щедрый дар, милая женушка!
- Благослави, господь, уста доброго вестника! Говори! – воскликнула тигрица радостно, но и настороженно отчасти.
- Я видел сказочно благодатный край, и мы должны переселиться туда.
- Здесь корни наши, никчемна суета насчет других миров. Чем тут не жизнь?
- Природа убога, да и пищи мало.
- Что видел в той райской стране?
- Сады и поля в цвету.
- Хорошо.
- Реки полноводны.
- Хорошо.
- Птицы дивно поют.
- Хорошо.
- Олени, лани, козлы – все в изобилии!
- Это – самое главное! И кто же показал тебе сию землю обетованную?
- Рыжий, мой лучший и вернейший друг! – выпалил Полосатый и с неудовольствием отметил, как нахмурилась морда Полосатихи.
- Да ведь он лис! Жди каверзы от него. Лис, что змей – хитер и злокознен. Не знаешь разве, что змей Адаму и Еве учинил?
- Некстати змей и Адам с Евой упомянуты. Рыжий надежен и благонамерен. Речи и помыслы его – чистое золото, ни грана чуждой примеси.
- Сохрани бог следовать совету, что лис подал, нельзя туда идти!
- Ты, Полосатиха, глупа! Я хозяин! Всей семьей переселимся! – гневно закричал Полосатый и замахнулся на супругу лапой, но не ударил.

И Полосатиха поняла, что жребий брошен, и спорить нечего, и примирилась со щедрым даром судьбы. И всем семейством двинулись искатели счастья в землю обетованную. А в стороне незаметно трусил Рыжий. Он хотел своими глазами увидеть, как укоренятся на новом месте опасный приятель и нелюбезная его супруга. Тогда и тревогам конец.

Обустроился тигриный род неподалеку от берега реки, и неделю-другую благоденствовали и душа и брюхо. Но пошли дожди, и бесконечно прибывала вода, и вышла река из берегов, и затопила тигриный дом. Первыми захлебнулись полосатые тигрята, потом потонула благоразумная тигрица, дольше всех боролся за жизнь глава семьи. Но сгинул и он, страхом смерти объят, испив с опозданием раскаянья яд.

Забара окончил свою печальную повесть. Эйнан глядел на него пристально, и ни гнева, ни досады в глазах.

“Прозрачен басни намек, - сказал Эйнан, - я – хитрый лис, ты – обманутый тигр. Однако, не сержусь более, Иосиф. Ибо узнавши о тебе, раздружился со всеми друзьями, и наскучили мне приятели, только тебя люблю. Собирайся, пойдём в страну, лучше которой нет на свете, и найдешь там все угодное для души. И я принесу клятву быть неколебимой твоей опорой, и бесконечной добротой окружу тебя. Верность – вот ответ на доверие.”

- Не умно доверять, не доверять умнее! – изрек хозяин.
- Противоположное справедливо не менее! – парировал гость.

Высокими словами и елеем уст Эйнан совершил чудо. Врач из Барселоны Иосиф ибн Забара расцеловал близких, умылся горькими слезами расставания и согласился покинуть родные места. “Следуя вместе верным путем, золото, славу, почет обретем!” – подбадривал Эйнан почти переставшего сомневаться Забару.

3. ТОЛКОВАТЕЛЬНИЦА СНОВ

Иосиф ибн Забара из Барселоны, врач и мудрец, уступил увещаниям свалившегося ему на голову чудаковатого гостя по имени Эйнан, и новые друзья отправились в путь добывать Забаре славу ярче барселонской. Вот, едут они не торопясь, солнышко ласково пригревает, ветерок попутный дует в спину, ослики послушны седокам, и на сердце благостно. Эйнан, говорун и выдумщик, долго молчать не в силах.

- Скажи-ка, дружище Иосиф, кому из нас везти и кому вести?
- Не пойму, Эйнан, что сие означает: кому из нас везти и кому вести? Вроде, каждый из нас едет на своем осле, и оба мы знаем ближайшую цель.
- Мне известна история, из которой понятен смысл этих слов. И много всего поучительного в сей повести.
- Всегда у тебя загадки!
- Все вещи таят в себе загадку. Вот послушай!

Кровавый конец гарема

В некоей восточной стране правил любвеобильный, ревнивый и боязливый царь. Как-то приснился ему необычайный сон и вселил страх неизвестности в робкое монаршее сердце. Будто бы в его знаменитый на весь восток гарем влезла обезьяна, и скачет по головам жен и наложниц, а те не прячутся. Царь проснулся в холодном поту. Что сулит такой сон? Уж ни

собирает ли сосед армию, уж ни алчет ли земель его, короны его, женщин его? Или это знамение болезни и скорой смерти? Сколько сил дано человеку, чтоб тревогу в одиночку нести? Призвал царь главного евнуха для совета, поведал свою печаль, спросил, не найдется ли в государстве толкователя снов, да помудрей? Ведь всякое толкование проистекает из понимания вещей и обнажения их смысла. Советник проникся царевой кручиной и с благословения монарха отправился на поиски мудреца, что вернет покой в сердце повелителя.

Евнух запряг мула и выехал со двора. Едет час, едет другой, догоняет его крестьянин верхом на осле.

- Привет тебе, властелин пашни и плуга! – воскликнул евнух.
- Желая здравствовать, почтенный господин! – дружелюбно ответил крестьянин богато одетому попутчику.
- Ты труженик земли, и весь из земли и землю ешь!
- Шутите, господин, - смеясь ответил крестьянин, не уразумев шутки.
- Куда ты едешь?
- Домой, в деревню, что за тем лесом.
- Нам по пути. Кому из нас везти и кому вести?
- Не понимаю тебя, господин. Ведь каждого из нас везет четвероногая скотина, и нам ее вести.

Евнух ничего не возразил. Показалось пшеничное поле.

- Хорошего урожая нынче ждем! – воскликнул крестьянин.
- А не съедена ли пшеница? – неожиданно спросил евнух.

Крестьянин недоуменно пожал плечами и указал попутчику на замок, возвышавшийся на голом каменистом холме.

- Красивые у нас места! Глянь на этот чертог: стройные башни, резные стены и укреплен изрядно!
- Стены казисты и башни приглядны снаружи, а внутри не разруха ли?
- Ты, знать, ученый, небось сквозь камни видишь! – ехидно заметил крестьянин.
- Сколько снега намело! – ни с того ни с сего бросил евнух.
- Летом, когда пшеница колосится? – засмеялся землепашец.

Из-за поворота показалась толпа – везут мертвеца хоронить.

- Он мертвый или живой, тот, кто в гробу? – всерьез спросил евнух.

Крестьянин промолчал, подумал про себя: “Встретил знатного человека, на вид просвещенного, а он на поверку – круглый дурак!”

- Смеркается, где бы переночевать? – спросил евнух.
- Вот и деревня моя, а вон мой дом. Оказать гостеприимство сановному да умному попутчику буду рад, - без радости в душе сказал сельский житель.
- Переночую, уважу твою просьбу, труженик земли.

Крестьянин накормил и напоил мула, потом отужинал с гостем и уложил его спать на свою постель. Сам же пристроился на соломенном тюфяке на полу, и с ним жена его. В углу улеглась дочь.

Никому из обитателей комнаты не спалось в эту ночь. Шепотом крестьянин пересказал жене пустейшие речи попутчика, а тот все слышал. И хозяин и гость тихо смеялись над глупостью друг друга.

С рассветом поднялась крестьянская семья навстречу трудам повседневным. Юная пятнадцатилетняя хозяйская дочь отозвала отца в сторону и сказала, что слышала его ночной рассказ и думает, что гость их вовсе не глуп, а умен до чрезвычайности. Крестьянин не высоко ценил женский разум, но для дочери делал исключение.

- Говори, голубка! – сказал отец и приготовился слушать.
- Вельможа верно сказал, что ты весь из земли, ибо люди созданы творцом из земли.
- Разве я землю ем?
- Это значит, вся пища наша происходит из земли. Польстил крестьянскому труду сановный попутчик!
- А везти и вести? Что разумел он?
- Который из путников скрашивает байками дорожную скуку, тот как-бы везет и ведет. Вот он и спрашивал, кому из вас балагурить.
- Не знал, однако, что зерно в колосьях может быть съедено!
- Спутник твой думал, что хозяин поля бедняк и за полцены продал пшеницу на корню или взял деньги в долг под залог ее.
- Чем же замок-то не приглянулся?
- Он на голой скале стоит, ни травинки вокруг. Вот и решил богач, что за красивыми башнями да за высокими стенами нет пищи, и погреба пусты. А если в доме голодно – разруха в нем.
- А снег жарким летом?
- То на белую твою бороду намек, и в укор тебе сказано.
- С каких же пор живых в гроб кладут и в землю зарывают?
- Если у покойного нет сына, то мертв он, а если сын есть, то он продолжает жить.

Крестьянин подивился дочкиным речам и принял их на веру. А та налила полную миску свежего молока, принесла тридцать яиц, достала из печи круглый каравай золотистого хлеба. “Когда гость наш пробудится, - сказала она отцу, - отнеси ему все это и задай три вопроса: во всю ли ширь свою бледнеет лунный круг, нет ли щербинки на солнце, и сколько дней минуло от начала месяца?”

Дочь принялась за работу, а отец – за завтрак. Съел два яйца, откусил от каравая и изрядно отпил молока. Потом отнес снедь проснувшемуся гостю и, как наказала дочь, задал три вопроса. С ответами поспешил к дочери.

- Что от попутчика услышал, отец?
- Луна с лица спала!
- А солнце?
- На солнце он пятно узрел.
- Что месяц?
- Сказал, что два дня с начала минуло. Да ведь месяц-то в самой середине! Не говорил ли я, дочка, что человек сей глуп?
- Неужто ты ничего не ел от того, что принесла я?
- Съел два яичка, от хлебца откусил, молочка попил.
- Неверно судишь о госте. Он говорит умно, хоть и окольно.

Евнух подслушал разговор отца с дочерью и поразился догадливости ее. С позволения крестьянина он повел беседу с развитой не по летам юницей, и рассказал о миссии своей, и поведал царскую печаль. Крестьянская дочь решительно заявила, что ей понятен сон, но толкование его секретно, и только самому царю с глазу на глаз она откроет тайну. И тогда посланец государя признался отцу семейства, кто он таков, и попросил отца с матерью отпустить с ним дочь, дабы та предстала перед царем. Разве воспротивится простой землепашец воле царя и сановника его? И евнух доставил государю в абсолютной сохранности юную толковательницу снов.

Девушка понравилась царю необычайно. И во внутренней палате, наедине, но при открытой настежь двери, монарх повторил ей свой сон. Первым делом целительница влила в болящую душу успокоительный бальзам, мол сон не предвещает ни войны, ни смерти, ни недуга. Потом тишайшим голосом, чтобы никто и звука не услышал, дабы не вышло стыда, и сплетни не разнеслись по свету, открыла царю неблагоприятную суть видения.

В гареме поселился переодетый в женскую одежду мужчина. Это – обезьяна из сна. Блудодей совокупляются с неверными царю женщинами – обезьяна прыгала по головам жен и наложниц. Обитательницы гарема охотно развратничают с ним – во сне они не прятались от обезьяны.

Ни в одном языке не найти слов, чтобы вполне передать мощь и праведность гнева царского. Монарх обыскал гарем и обнаружил юношу. Блеск красоты его затмевал свет солнца и луны, сверканье золота и серебра. Собственноручно, упиваясь мстостью, на глазах жен и наложниц, царь изрубил в мелкие куски молодое тело и кровью вымазал физиономии распутниц. Затем расправа настигла любодеек. Ни одну из преступных сладострастниц не обошел клинок дамасской стали.

Истребив разврат в стенах дворца, царь вспомнил о той, что спасла трон и корону от бесчестья. Какою милостью воздать за бесценное благодеяние? Наградой за доброе дело служит свершение его. Но довольно ли этой награды? Царь взял в жены юную крестьянскую дочь. Отныне и навеки она станет его судьбой и единственной любовью. Поклялся он супруге дорогой не прикасаться к женщине другой.

- Ты прав, Эйнан, весьма поучительная повесть, - сказал Забара.
- Еще бы! Проницательный ум заслуживает высочайшей награды, - поддержал Эйнан.
- Пожалуй...
- Вот я и вытянул тебя из дома – добыть достойное признание твоим заслугам.
- Как важно занять язык и голову во время долгого пути! – свернул на другое Забара.
- Кажется, я трудился не зря!
- Мой друг горазд рассказ вести, чтоб нас от скуки увезти.

4. В ОБЕД АСКЕТ, А УЖИН НУЖЕН

Два пилигрима, Иосиф ибн Забара и друг его Эйнан, бродят по белу свету, оседлавши каждый своего осла, и коротают время в дороге, рассказывая друг другу басни да байки, были да небылицы.

Как-то в конце долгого дня пути добрались наши странники до некоей деревни, на вид весьма бедной и мрачной. Смеркается, стало быть, не миновать ночлега в неприветном месте. Хозяин заезжего двора бойко уведомил путников, что ни ужина ни постели им не видать, как своих ушей, а местечко под крышей для них сыщется.

Забара и Эйнан расположились под навесом, отгородившим их от тьмы небесной и света звезд далеких. Голод и жажда напомнили обоим, что пришло время отдать дань вечерней трапезе, и безотлагательно.

Забара развязал дорожный мешок, и горестный вздох вырвался из страждущих уст: нет еды, разве что немного вина в бурдюке. И Эйнан заглянул в свою тощую котомку и совершенно опустошил ее, вынув краюху сухого хлеба, которой предстояло насытить двоих.

Иосиф принялся горячо жаловаться на злую судьбу и муки телесные. С утра без пищи и воды, день без обеда в надежде на добрый ужин, и голодная ночь впереди! Взглянувши на эйнанову хлебную корку, заметил многозначительно, что, делясь последним куском, люди становятся настоящими друзьями. Эйнан же, не менее страждущий, не подхватил слезный тон, ибо дух прекословия вселился в него.

- После долгого пути, дружище Иосиф, не годится терзать брюхо тяжелой пищей. Не в прок пойдут мясо да овощи, сыры да фрукты, - провозгласил Эйнан.

- Прежде ты не казался аскетом, - возразил Забара.

- Разве не говаривал царь Соломон, что хороша корка хлеба и с нею мир и покой?

- Боюсь, Эйнан, ты выхолащиваешь мысль мудреца.

- Хоть бы и так. А все же сухарь вреда не нанесет.

- От бога покой и мир, а не от корки сухой! Так утверждал один раввин.

- Раввин твой невежда в науке насыщения души и тела!

- Чтоб черствый хлеб смочить вода нужна, душа горит от жажды, - сказал Забара, обнаруживая признаки примирения с обстоятельствами.

- Взаправду ли ты пищи алчешь, Иосиф? Истинно голодный коровьими лепешками не побрезгует, а уж хлебу и подавно рад, зато сытый желудок и разносолы отвергает, - подтрунил Эйнан.

- Пузо старого добра не помнит, однако, по твоему слову поступлю, с радостью стану черствый хлеб вкушать, голод - лучшая к еде приправа, - смиренно промолвил Забара и подумал про себя: "На сей раз удовлетворюсь его крохами, но впредь буду сам о своем пропитании радеть!"

- Вот, у меня немного вина в бурдюке, давай подкрепимся, - предложил Иосиф.

- Вино? Да разве ты не порицал винопитие? – с осуждением спросил Эйнан.

- Не лови меня на слове! Как без вина члены усталые согреть?

- Неужто не знаешь, что четвероногая животина ходом своим наездника согревает? Тепло не от вина, но от движенья происходит! В начале времен великий круг созвездий, мчась по небесной тверди, породил огонь первичный. Круг сей есть пращур всех основ, творений, тайн, чудес. Совместны ли великость мироздания и жажда твоя, ибн Забара? – закончил Эйнан вдохновенную голодом тираду.

- Суесловие не насыщает. Слышишь ли рев? Это наши скотинушки свою ослиную долю требуют.

- Здесь корм негодный. Потерпят серые до утра.

- Не осел едет, а овес. Помнишь ли, спрашивал меня, кто кого повезет? Боюсь, завтра друг друга сменять будем.

Тут Забаре пришли на ум шутейные стихи, и он прочел их громко и бодро, укрепляя дух свой и Эйнана.

Терпелив и вынослив аскет,
Сыт надеждой в нелегком пути.
Он на ужин отложит обед,
Хоть с утра закусил не ахти.

Вот уж звезды родились в ночи,
Да пустует заплечный мешок.
Издержались в дороге харчи,
Слышен ропот мятежных кишок.

И ревет с голодухи осел:
Без овса а этом мире содом.
На себя только может быть зол
Тот осел, что покинул свой дом.

Эйнан похвалил друга, сказав, что стихи должны быть либо полезными, либо приятными, а Забара достиг обоих совершенств. Путники улеглись спать под навесом без одеял и тюфяков, как и обещал хозяин заезжего двора. Эйнан пробудился до рассвета, растолкал спящего Забару и давай торопить его, мол поехали прочь с поганого этого места. Тут Забара решил, что настал его черед упрячиться.

- Не двинуться никуда, пока солнце не взойдет! – решительно заявил Иосиф.
- Боишься с пути сбиться?
- Не то! Мудрецы говорят, что человек входит в мир и уходит из него, и в этом есть благо. И господь сотворил свет и назвал его благом, вот...
- А к нам и ослам нашим это какое отношение имеет? – нетерпеливо перебил Эйнан.
- Вот я и говорю, что пуститься в путь – это в мир войти, а если до рассвета не потерпеть, то и не видать нам блага!
- Боюсь, Иосиф, ты выхолащиваешь мысли мудрецов. Слова твои справедливы, если дорога полна опасностей, а нам ничего не грозит, ибо люди вокруг безусловно честны и бесконечно добры, - возразил Эйнан.

Покуда спорили пилигримы, занялась заря. Забара вышел во двор и увидел двух добропорядочных ослов. Благонамеренные их морды выражали готовность продолжать службу, словно накануне они вдоволь наелись овса в хлеву, а не голодали под луной. Забара воздел руки к небу и возблагодарил господя, помогающего рабу своему и животине его: “Добродей и спаситель извека и скотины, и человека!”

5. ДОЗНАТЕЛЬ, УГАДАТЕЛЬ И ПЛУТОВСТВА КАРАТЕЛЬ

День ото дня прочнее и глубже увязает Иосиф ибн Забара в рутине странствия, затеянного ради умножения почета и славы, коих не доставало ему на поприще барселонского врачевателя. Друг и попутчик его, Эйнан, словообильный и в чувствах порывистый, не позволяет Забаре скучать, извлекая из памяти истории одна другой занимательней.

Как-то проходят наши путники мимо стен некоего города, и Эйнан раздражается громким плачем без очевидной причины. Забара глядит с удивлением на товарища, а тот все добавляет голосу, и рыдания его оглашают дорогу и поле, и уж, должно быть, слышны за городскими стенами. Умудренный опытом дружбы, Иосиф не мешает Эйнану исчерпать запас слез и вполне обнаружить огромность горя. Он терпеливо дожидается конца излияния

чувств, ибо, во-первых, являя терпение, мы льстим нашей мудрости, а, во-вторых, чужую волю благороднее перетерпеть, чем пересилить. Наконец, всхлипывания стихают.

- Что привело тебя к столь великой печали, дружище? - спросил Забара тоном сострадания.

- Я оплакиваю смерть мудрейшего из мудрых, честнейшего из честных, справедливейшего из справедливых, - ответил, несколько успокоившись, Эйнан.

- Кто он?

- Судья. Мой друг ушедший. В городе этом он жил и умер, и смертью своею осиротил достойных и ободрил подлых - ответил Эйнан, и голос его вновь задрожал.

- Ах, услышать бы о славных деяниях сего рыцаря правосудия!

- Так слушай же! Поведаю лишь толику несметности, и восхитишься!

К истине тропой дознания

Пришел к судье бедный человек со своим горем и молит о помощи, и пеняет на судьбу, и сетует на бессилие. Судья проникся искренностью просителя и велел тому унять вопли страдания и говорить толком.

Есть у бедняка единственная дочь, и в ней жизнь и душа его. Он сосватал ей в мужья хорошего человека и предвкушал отраду в старости – утеху за тяжкий жизни путь. Незадолго до свадьбы к счастливому отцу невесты явились жених и родитель его и принесли с собой богатый калым – девица хоть и бедна, зато пригожа, умна и скромна.

Сидят и солидно беседуют хозяин и гости. Бедняк разглядывает диковинные вещи. Тут и платья, и шали, и ткани, и туфли, и серьги, и ожерелья, и бальзамы, и благовония – и все для нее, для будущей молодой жены! А чего же еще желать горячо любящему отцу?

Мужчины условились о дне свадьбы. Дом невесты должно подготовить к торжеству: починить, подновить, украсить. Приглашаемых на праздник следует оповестить загодя – чтоб успели дарами запастись. Об угощении позаботиться тоже надо. Обсудив с новым родичем важные дела, гости удалились. А хозяин улегся на покой и заснул счастливым сном.

Бедняк пробудился с восходом солнца и первым делом пошел поглядеть на чудесный выкуп. И видит, опустела комната. Нет ни платий, ни шалей, ни ожерелий, ни благовоний – исчезло, как дым, вчерашнее великолепие. Все украдено темной ночью! “Боже милосердный! Чем прогневил я тебя? – возопил несчастный, - за что мне горе такое?” Примчалась на крик дочка, успокаивает отца, торопит: ”Беги сей же час к судье - он поможет!”

Уяснивши что к чему, судья отправился в дом безвинной жертвы, дабы приступить к дознанию. Все осмотрел, негде вору пробраться. Вышел в сад и увидел в заборе пролом. Пригляделся – следы на траве, и ведут они от забора к дереву, что растет возле окна той комнаты, где украденные вещи лежали. Ветви дерева крепкие, человека выдержат, и колючки и шипы на них.

- Кто сосед твой? – спросил судья.

- Хазан. Певчий, стало быть, в нашей синагоге, - ответил бедняк.

- Что скажешь о нем?

- Человек прямой и честный.

- А-а-а, ну-ну... - глубокомысленно протянул судья и велел просителю прийти к нему на другой день.

Вернувшись домой, судья, не теряя времени, послал за хазаном. Тот явился. Испуганный, и кошки на душе скребут. Вершитель правосудия взглянул на предполагаемого вора – лицо бледное, глаза бегают – и укрепился в своем подозрении.

“По крайне срочному делу я позвал тебя, дружище, - ласково сказал судья, - важно это для нас обоих. Приснился мне необычайный сон. Будто ты и я, обнажившись по пояс, схватились в борьбе, и каждый стремится одолеть другого. Кто знает, что сулит такой сон? Вдруг беда какая грозит нам? Известно, однако, если проделать ранним утром то, что ночью привиделось, то ничего и не случится. Ни худого, ни хорошего. Зачем судьбу пытаться? Нам ведь и так славно живется, не так ли?”

Судья первым снял с себя рубаху. Простодушный хазан последовал его примеру. Порядочный человек всегда прост, но и вор может быть простаком. Хитрость судьи удалась вполне. Царапины и ссадины на теле певчего красноречиво свидетельствовали о его ночном промысле. “Нам нет надобности бороться, ибо ты побежден! – торжествуя воскликнул судья, - вчера, снявши одежду, дабы не оставить лоскутов материи на шипах и колючках дерева, ты взобрался по его занозистым ветвям в окно к соседу и обокрал его. Немедля неси сюда похищенное, не то приговорю тебя к побитию плетью!”

С необычайным проворством исполнил хазан приказание. А назавтра, как и велено было, отец невесты явился к судье и получил назад свое добро. Бедняк целовал руки благородному спасителю, а вскоре отгремела свадьба, и надо ли говорить, кто был главный гость! Мудрый судья дознаньем умелым спуску не даст вора закоснелым.

- Образцовое расследование! – с восхищением воскликнул Забара, - удивительно, однако, как разочаровал хазан, человек молитвы.

- О, ничего удивительного! – возразил Эйнан, - мой друг судья открыл мне глаза на нрав и природу хазанов.

- Неужто все они с изъязном?

- Остерегайся их! Воры и злодеи! Алчут чужого добра и чужих жен. Безмозглы. Даром, что молитвы распевают. Не понимают, о чем поют, не знают, зачем руки к небу воздевают!

- Боже милостивый! Отчего ж глупы они?

- От спеси! Мы сами небезвинны. В синагоге определяем им возвышенное место, тем самым поощряем чванство, урезающее ум.

- Основательное объяснение.

- Это не все. Судья назвал еще причину. Создавая человека, бог поместил в горле его особую трубу, извергающую воздух из легких в рот во время пения и говорения. Труба сия есть хрящ – материал не твердый, как кость, и не мягкий, как мясо, что к кости крепится. Свойство этой ткани – греть воздушную струю. Горячий воздух иссушает мозг, и человек тупеет.

- Позволь, Эйнан, ведь разговаривают все люди, однако, воздушное тепло не оглупило ни нас с тобой, ни судью, друга твоего покойного, возможно, кого-нибудь еще.

- Ах, Иосиф, будь добр, казуистику оставь! Послушай лучше другую историю из наследия великого судьи.

Угадал, решился, преуспел

Рассказ сей об одном еврее по имени Яков. Приключилось дело в городе Кордове.

Яков посредничал в торговле. Свести вместе продавца с покупателем, совет коммерческий дать, самому купить вещь и перепродать потом – родная стихия ловкого еврея. Делая себе

имя, посредник порой забывает интерес доверителя ради будущей лихвы. Но не таков Яков. Будь у него тугая мошна, большими делами ворочал бы. Но он не богат, потому кормится сам и семейство свое содержит на скромный комиссионный барыш.

Судья наш, что в ту пору жил в Кордове, знал Якова с наилучшей стороны: в делах честный, в жизни законопослушный. Не раз вершитель правосудия заступался за посредника, а тот, вездесущий, осведомлял его о людях важных и их делах неважных.

Некто поручил Якову найти покупателя для жемчужного ожерелья и назначил цену в пятьсот золотых. Стоял себе Яков на городской площади, разглядывал дорогое украшение, думал, как за дело взяться. Мимо проходил знатный вельможа, спросил о цене. Еврей объяснил дело толком, но сановник царский стал торговать ожерелье за четыреста золотых. Яков не волен уступить, а важная особа предлагает, мол, пойдем ко мне домой, покажу безделушку жене, если придется ей по вкусу, куплю за твою цену.

Пришли к нарядному богатому зданию – дворец, а не дом. “Обожди меня у ворот, - сказал вельможа, - через час выйду с деньгами или ожерелье верну.” И он скрылся за воротами и запер их за собой. Яков ждал час, другой, третий. Пропал богач, и неприступна ограда каменная, и засовы железные молчат.

Наступила ночь. Удрученный и обманутый, Яков поплелся домой. Пришел, лица на нем нет. Не ел хлеб, и жена и сыновья не ели хлеб. Спать улегся не раздевшись, словно готовился умереть и восстать из усопших. Ибо и во мраке горя еврей различит огонек надежды и станет ждать спасителя, что поднимет покойников в их предсмертном одеянии.

Но из мертвых Якову восстать не пришлось, а восстал он ото сна. И спозаранку поспешил к дому вельможи. Наконец, тот показался из ворот. Яков потребовал назад свой товар и получил такой ответ: “О каком ожерелье ты толкуешь, еврей? Я хоть и приближенная к царю особа, а законы блюду, словно простолюдин. Посему прощаю дерзость твою, шельмец этакий. Прочь с моих глаз, уноси ноги, покуда цел!” Испугался Яков гнева вельможного и взгляда грозного и поспешил к судье.

Бедолага поведал защитнику несчастных о своей беде. “Утри слезы и уйми вопли, - сказал судья, - непременно выручу тебя!” Однако, тягаться с приближенным к престолу – дело непростое. “По закону, закон для всех в силе, но сила закона уступит силе, - размышляет судья, - закон, как паутина, слабого опутает, а сильный ее порвет. Здесь хитрость нужна. Супруга вельможи по тщеславию своему женскому страстно желает, чтоб вся Кордова знала о новом ее ожерелье, подарке мужнином. Угадать ее желание легко. Тщеславие терзает и требует похвал. Решусь-ка я на одну уловку.”

На другой день судья пригласил к себе царских сановников и чиновников, городских богачей и попечителей, особ важных и просвещенных. И явились почтенные горожане на зов, ибо весьма почитали судью, и желали его умные речи послушать и от себя что-нибудь важное прибавить. Ловец жемчуга, разумеется, тоже прибыл. Вошли в приемный зал, расселись солидно, обувь, как водится, оставили в прихожей.

Пока высокие особы гомонили, себя показывали и друг друга разглядывали, хозяин подозвал слугу и пошептал ему на ухо. Тот пробрался в прихожую и исчез куда-то.

В доме судьи звучали мудрые речи, а слуга торопился к вельможным палатам. Вытребовал у привратника хозяйку по неотложному делу. Молодая дама спустилась к посетителю, и чудными камнями убрана шея ее. “О, почтенная госпожа, - сказал слуга, - у судьи средь

прочих гостей супруг твой достойный пребывает. Он желает показать благородному обществу новое ожерелье. Украшение и впрямь бесподобно, но разве истинная красота нуждается в украшениях? Чтоб ты не сочла меня мошенником, он послал со мной сей предмет.” Польщенная женщина узнала туфлю, сняла с шеи жемчуг и с радостью вручила его слуге.

Воротившись домой, слуга незаметно вернул на место сановничью обувь, а когда гости разошлись, отдал судье жемчуга. В тот же день ожерелье вернулось к счастливому Якову. Так преуспел хитроумный судья, кукиш вам с маслом, тузы да князя!

- Кукиш с маслом! Отлично сказано! – вскричал Забара и захлопал в ладоши.
- То-то же! - отозвался довольный Эйнан.
- Велик твой судья! Чаяние женщины угадал, решился обуздать силу законом и преуспел законно.
- Устами судьи глаголит закон. Внемли, Иосиф! Вот еще свидетельство правосудности деяний ушедшего друга моего.

Грешил смело – и кара за дело

Эта захватывающая история о наследстве и страстях вокруг него.

Бог благословил некоего купца одним единственным сыном. С годами богатство отца росло, а силы убывали. Отрок же возмужал и пожелал заменить родителя в торговых странствиях. “Мой мальчик, покупать-продавать есть великое искусство, - воскликнул обрадованный сыновним желанием купец, - овладевая им, увидишь мир, узнаешь людей, поймешь себя, наберешься мудрости, утвердишься в праведности.” Отец купил сыну прекрасное судно, снабдил деньгами и товарами, снарядил морскую команду и отправил в плавание в сопровождении верных друзей.

Сам же торговец остался дома, и в сухопутных и неспешных стариковских делах помогал ему молодой раб. Незаурядный юноша этот оличался умом и ловкостью. Хозяин весьма ценил помощника, и поощрял всемерно, и нарадоваться на него не мог.

Прошли годы. Сын купца обретался в долгом плавании, отец слабел, а раб исподволь прибирал к рукам хозяйство. Нагрянула беда. Старик захворал и внезапно умер, и завещания оставить не успел.

Бедовый сподручник покойного купца завладел его достоянием, а горожане подумали, что имущество и дела законно перешли в сыновние руки, ибо, как полагали, кто кроме наследника мог заслужить безграничное доверие старика?

Как-то показался на горизонте корабль величины фантастической и красоты необычайной. Это сын купца возвращался к родному очагу. Но налетел жестокий ветер, и разъярилось море чудовищными волнами, и грозной бурей встретил родимый берег потомственного торговца, слишком долго скитавшегося в дальних странах.

Чтоб под обломками судна не погибнуть самим и чтоб товар сберечь, люди пустились вплавь, а тюки и мешки сбросили в воду, надеясь выловить их после шторма. Но все сильнее неистовствовало море, и потонули люди и грузы, и только купеческий сын спасся, и добрался до берега, и слава богу, что живой.

Высушив жалкое рубище и осушив слезы, потерпевший крушение направился к родному дому. Вот знакомая улица, сад разросся чудно, за деревьями краснеют крыши башен, ограда каменная неприступна. С замиранием сердца он постучал в ворота. Незнакомый привратник взглянул враждебно на незваного гостя. Тут и новый хозяин подоспел. “Кто таков?” – хмуро спросил он. “Сын и наследник!” – прозвучал гордый ответ. “Ты оборванец и плут!” – рассмеялся в лицо купеческому сыну вчерашний раб, и вдвоем с привратником они, полагая, что миром правит сила, в четыре кулака вытолкали вон непрошенного визитера.

Обездоленный пришел к судье и рассказал ему свою историю от славного ее начала до горького конца. И отец в могиле, и нажитое погребло, и от преемства отлучен. Последнее горе в этой череде по судейской части.

Вершитель правосудия призвал к себе лженаследника и, взглядевшись в лукавое лицо, с большим вероятием предположил, что дерзкий плут перед ним. Да ведь доказать надобно!

- Кто сын и наследник покойного купца? – прозвучал строгий вопрос.
- Я! – воскликнул раб
- Сей юноша утверждает, что ты самозванец, обманом присвоивший его права! – сказал судья, указывая на купеческого сына.
- Не я, а он самозванец! – выкрикнул раб.
- Доставь доказательства своей правоты! – потребовал судья у раба.
- Почему доказывать мне, а не вымогателю этому? – смело спросил раб.
- Что ж, коли так, пусть каждый из вас приведет мне своих свидетелей, – постановил судья, отметив про себя, что есть резон в дерзком возражении.

И ушли оба притязателя весьма озадаченные, и на следующий день вернулись к судье, и свидетелей не привели. Ибо у раба таковых не было и быть не могло, а друзья купеческого сына погибли в бурю.

- Кто из вас двоих знает, где могила купца? – спросил судья.
- Я, конечно я, родной сын, у смертного одра возлюбленного отца стоявший и предавший земле покойного! – воскликнул раб, радуясь выгодному вопросу и предвкушая победу.
- Возьми с собой двух слуг, пусть выроют из могилы останки мертвеца, сожгут его кости и пепел развеют по ветру. Негодный был человек! Ни распоряжений, ни завещания не потрудился оставить! Посеял смуту и раздоры. Умер без чести и живых обесчестил! – с притворным гневом воскликнул судья.
- Ах, какое мудрое решение! – подольстился раб.
- О, почтенный судья! – подал голос купеческий сын, - пусть сей человек владеет всем достоянием отцовским, только не вели осквернить останки батюшки моего!

И он упал на колени, и подполз к судье, и обнял его за ноги и зарыдал.

- Утри слезы, достойный юноша! Теперь-то я вижу, ты и есть родной сын и наследник купца, ибо доброе имя родителя тебе важнее корысти! Иди домой и вступай в свои законные права. А мошенника этого забирай с собой, и быть навеки рабом твоим есть кара его. Цепей и колодок отрада – смелому плуту награда!

Тут Иосиф ибн Забара обнял и облобызал Эйнана и признался со всей горячностью, что и впрямь безмерно велик был покойный судья, и друзья принялись вместе горевать о мудрейшем из мудрых, честнейшем из честных, справедливейшем из справедливых.

6. РЕВНОСТНЫЙ ДОБРОДЕЙ ТУВЬЕ

Многоликий мир не скупись на новизну, и наделенному жадным умом путешественнику некогда скучать. Два пилигрима, два неразлучных друга, Иосиф ибн Забара и Эйнан, давненько уж бродят по белу свету и в охотку алкают из чаши новых знаний. Порядочно удалились они от Барселоны, родного гнезда лекаря Забары, снискавшего любовь горожан изумительным искусством врачевания. Эйнан убедил друга отправиться на поиски страны, что вознесет до небес славу целителя-мудреца, хоть тот, как сказано, и на родине обласкан.

Вот добрались наши странники до некоего незнакомого города и вознамерились сделать привал. Сидевший у ворот благообразный седобородый старец приветствовал путников и зазвал к себе на постой. Усадивши Забару и Эйнана в лучшей комнате, старик распорядился отвести в стойло усталых осликов, задать им корму и напоить. “Надеюсь, вы не обижены, братья мои, что гостеприимство я наперво приложил к скотине?” – риторически спросил хозяин и притянул в подтверждение взгляд мудрого царя Соломона на сей предмет. Далее седобородый велел рабу омыть ноги почтенным гостям. “Омовение ног с дороги уничтожает усталость, придает аппетит и способствует крепкому сну!” – решительно заявил старик.

Тронутые сердечным приемом, Забара и Эйнан уж не удивились, когда хлебосольный хозяин пригласил их к отягощенному яствами и напитками столу. Утолив голод и славно отдохнув, наши странники совершенно разомлели от приятности бытия и склонились к мнению, что город этот непревзойденно хорош, и жители его поголовно любезны и милы подобно сидящему напротив благородному старцу. А последний, словно почуяв ход мыслей благодарных гостей, заявил, что им выпало счастье оказаться в достопримечательном месте, искони знаменитом своими праведниками, и, желая добавить добро к добру, вознамерился рассказать несколько историй, а Иосиф и Эйнан приготовились слушать.

Клевета убьет клеветника

Жил в городе еврей по имени Тувье. И хоть был он весьма богат, однако отличался честностью, щедростью и праведностью. Тувье кормил и поил голодных, одевал и обувал нищих, утешал и забавлял горестных. А если умирал одинокий и неимуций соплеменник его, и некому было раскошелиться и позаботиться о предании покойного земле, то Тувье, помятуя, что пышность похорон есть утеха не мертвых, а живых, широко открывал кошелек, и долго помнились горожанам знатные проводы бедняка.

Ненавистники израильского племени оговорили постылых соседей перед лицом царя. Дескать, по ночам иудеи пробираются на наши кладбища, и выкапывают мертвецов из могил, и сжигают их кости, а пепел пользуют для колдовства.

Очернить желая, добродетельным приписывают преступления, а верящий клевете равен клеветнику. Предосудительно легко монарх принял за истину наговор и пришел в неопиcуемый гнев. Чрезмерно легким почитал ярмо на иудейских выях и ждал повода повод укоротить. Он издал указ, коим запретил евреям хоронить в земле своих покойников и повелел сбрасывать в пропасть мертвые тела. А кто нарушит повеление, того ждет казнь.

Вот умер еврей, и Тувье самолично омыл тело, и совершил все предписанное святым законом, и предал земле покойного. Зоркие ябедники мигом оповестили судью, и тот распорядился повесить преступника на дереве. Судейские подручные схватили Тувье и поволокли на расправу к месту казни.

И свершилось дивное диво. В небе зажглось сияние необычайной силы, и ярчайший свет ослепил глаза судьи, палачей и зрителей, ликующе кишевших на лобном месте. Тувье улучил ниспосланный миг смятения и был таков.

Счастливо спасенный созвал родичей и почитателей и рассказал о своем деянии и о чуде ослепления врагов. “Это господь спас меня от смерти, и я молюсь и поклоняюсь ему!” – провозгласил Тувье. Говорил он громко, чтоб не только друзья, но и недруги слышали. Царю исправно донесли радостную для одних и грозную для других весть. Монарх понял, что бог не даст в обиду свой народ, и кто решится идти против воли всевышнего?

Царь отменил прежний указ и издал новый. Под страхом смерти запрещено было причинять евреям всякий ущерб, как телесный, так и имущественный. Отныне они почитаемый и охраняемый законом народ и хоронить усопших будут по своим заповедям. Тувье же был приближен к престолу и сделался важным советником царя. Иудеи возрадовались и запели: “Конец долгожданный жизненным бурям, праздник веселый, как древний наш пурим!”

Рассказчик торжествующе взглянул на слушателей. Покоренные Забара и Эйнан с поцелуями припали к рукам красноречивого старца. Польщенный, тот начал другую повесть.

Защитная сень пророка

Как-то возлежал Тувье в своем саду и размышлял. Из гнезда выпорхнула пташка и, пролетая над головой праведника, уронила то, что птицы иной раз роняют в полете. Едкая капля попала Тувье в глаз и затуманила его, а через день-другой око затянулось непроницаемой пеленой.

Утрата весьма огорчила Тувье и всколыхнула в голове его думы о бренности бытия человеческого и конечности пути жизненного. А тут уж близка мысль о наследстве и наследнике.

Негаданно окривевший муж призвал к себе единственное чадо и так сказал: “Слушай меня, сын! Пришел час собрать воедино все мое достояние. Молодым и полным сил я удачно торговал в далекой Индии и нажил отменный барыш. В смутное то время разбойники промышляли на караванных путях, и посему я оставил до поры свою долю у верного товарища, что обосновался в той сказочной стране. Возьми проводника, отправляйся с ним в Индию, сыщи того человека, вручи ему письмо от меня и доставь домой наше золото.”

Сын поступил по желанию отца. Нанял знатока путей-дорог и сторговался с ним на пятьдесят золотых. Тувье обнял и расцеловал на прощание посланца своего, и, благословляя, пожелал ему и себе жить в здравии и дожидаться встречи.

Следуя за проводником, сын Тувье добрался до Индии, разыскал нужный город и нашел дом отца друга. Ворота отворил сам хозяин.

- Здравствуй, добрый человек, - сказал юноша, - зовут меня так-то, и прибыл я из такой-то страны, и позволь узнать твое имя.

- Здравствуй и ты, юный странник, и скажи вперед, зачем тебе мое имя понадобилось? – спросил хозяин.

- Я сын Тувье. Отец послал меня разыскать далекого друга своего. Не ошибся ли я местом, не обознался ли человеком?

- Я тот, кого ты ищешь. Проходи в дом, достойный юноша, и представь знак подлинности слов твоих.

- Читай, – сказал гость, усаживаясь и протягивая свиток.
- Воистину, ты дорог мне! – воскликнул хозяин, прочитавши послание, - однако, какое сходство с Тувье, одно лицо! Как поживает любимый товарищ мой?
- Отец состарился, и силы убыли. Потому и просьба, что в письме.
- О, я все исполню! Долю отцовскую увезешь сполна. За годы, что минули, деньги выросли по свойству их. Уважь и ты просьбу мою, погости месяц, славный юноша!
- Благодарю! Но я спешу назад. Отец не молод, а старику опасно долго ждать.
- Ты образцовый сын! Завтра приготовлю мулов, тюки и сундуки, охрану дам тебе.
- О лучшем я не мог мечтать!
- Теперь же отдохни с дороги и отведай кушаний индийских!

Отправились сын Тувье с проводником в обратный путь и шли берегом моря. Разыгралась буря, и волны выбросили на песок большую и редкого вида рыбу. Проводник подобрал ее, разглядел хорошенько, лицо его просияло, он достал из-за пояса нож, вспорол рыбе брюхо и извлек из нутра ее печень и желчь, которые упрятал в два особых сосуда, и укупорил их наглухо, чтоб уберечь содержимое от порчи.

- Зачем тебе это? – недоумевая, спросил юноша.
- Великая сила в сосудах помещается, - ответил проводник.
- Неужто обыкновенная рыба силу имеет?
- Это особая рыба. Если желчью ее помазать ослепший глаз, он вновь увидит белый свет. Если из печени приготовить пахучее курение и кадить им вокруг жилища, никогда в дом не проникнет злонамеренный бес.
- Хорошо заплачу тебе за твою находку!
- Не надо монет. Это – мой дар, прекрасный юноша!

Сын застал отца в добром здравии, и велика радость встречи, и дело исполнено. Тувье вспомнил о проводнике и послал сына разыскать его и наградить щедро, по-купечески: не пятьдесят, а все сто золотых, а то и больше – сколько запросит.

Юноша вернулся в растерянности, не найдя проводника ни на площади, ни на рынке, ни на улицах, ни в кофейнях. Никто в городе не видал его и не знал, где он. И сказал Тувье: “Известно ли тебе, кто есть сей человек? Это – пророк Илья! По обыкновению своему, он сделал добро и пропал, и не найти его теперь!”

Тут сын достал из сундука два сосуда, и показал их отцу, и рассказал о них. Тувье откупорил один из сосудов, смочил рыбьей желчью ослепший глаз, и очистилось око от пелены.

- Бог бесконечно милостив к нам! – ликуя, воскликнул ошастливленный Тувье, - наш долг перед господом свершить благодеяние!
- О, я готов!
- Есть у меня брат, и дочь его без мужа на горе отцу и на позор роду нашему. Она красива, умна, сердечна. Женись на ней, и добрым этим делом возблагодарим бога.
- Отчего же столь достойная юница одинока?
- Она трижды была под венцом, но всякий раз накануне первой ночи новоиспеченный супруг умирал. Теперь ее чураются.
- Отец, неужто смертью моей ты будешь всевышнего благодарить?
- Храни, господь, от такой судьбы! Причина пагубы – злой бес, что проникал в дом новобрачных. Ты же в безопасности. Благой дар пророка Ильи обережет тебя. Изготовишь курение из рыбьей печени и оградишь навек свое жилище от посягательства нечистой силы.

Неизменно послушный отцовской воле, на сей раз сын Тувье подчинился с колебанием и страхом. Однако, невеста приглянулась ему, да и он пришелся ей по сердцу.

Накануне свадьбы жених рьяно кадил окрест супружеских палат, окурил опочивальню, ложе брачное одымил со всех сторон. Для верности трижды обошел каждый круг. В ночь решительную и тревожную Тувье не спал, неустанно обращался к богу. Он не сомневался, верил, но молитва – лучшее добавление к безусловной вере.

Назавтра после свадьбы, не выдержав долее полудня, отец поспешил к сыну, и застал новобрачного живым и счастливым вполне. Многие лета прожили в любви супруги, вместе состарились и вместе ушли в мир иной.

Оканчивая свою повесть, рассказчик высокопарно провозгласил: “Защитная пророка сень – надежда, крепость и кремень!”

Старец утомился от долгой речи и уж было собрался распрощаться с гостями и пожелать им приятных сновидений, но Забара и Эйнан умолили хозяина рассказать еще историю, последнюю, ну хоть совсем короткую. Утерев пот со лба, хранитель славного наследия уступил.

Не там зло, не там добро

Дом Тувье располагался неподалеку от дороги, ведущей на кладбище. Великий этот праведник лишь завидит скорбную процессию, обязательно присоединится к шествию и станет читать молитвы, а затем и могильщикам поможет.

Годы все решительней ополчались на Тувье и уносили старческие силы, свой неизменный трофей. Как-то хоронили великого знатока священного писания, и не смог Тувье встать с постели и совершить обычный богоугодный ритуал. Расплакался праведник и воззвал к господу: “Владыка мира! Покойник сей был глазами слепому и ушами глухому, а я, о, горе мне, не проводил мудреца. Услышь меня, всемогущий! Когда хоронят человека достойного, укрепляй ноги мои, дабы у самой могилы я молился о душе усопшего!” И было Тувье видение, в котором сошел к нему ангел-вестник и уведомил, что желание просителя уважено. И стало так, как хотел Тувье – по воле небес, по мольбе его.

Однако, раз случилось все навыворот. Хоронили утром благочестивого, но Тувье не встал. Вечером везли на кладбище грешника, а Тувье сопровождал его. Очень удивился народ: “Неужто в голове праведника смешались меры добра и зла?” Поговорили люди, да за делами-заботами забыли странный этот день.

Честолюбие и равнодушие молодости украшают мир. Задумали двое юношей, просвещенных и пытливых, дотошных и увлеченных, докопаться до корня, понять резоны Тувье и к величию его приобщиться.

Первым делом пошли они к вдове грешника и стали расспрашивать ее о покойном муже. И сказала женщина весьма досадливо, что человек сей, мясник при жизни, отличался крутым нравом и немало зла причинил ей и детям. С соседями ссорился и родичей утеснял. Невежеством своим гордился и грубостью бахвалился. Задумавшись, вспомнила она, что у мужа был отец, древний старик, бессильный и бессловесный. Сын преданно любил отца, из ложки кормил и поил, одевал и раздевал, спать укладывал и на руках носил. И поняли юные

искатели правды, что почитание родителя искупило грехи, и небеса, взвесивши деяния жизни мясника, сочли его угодным богу и уведомили Тувье.

Распрощавшись с одной вдовой, правдолюбцы направились к другой. Попросили женщину рассказать об усопшем праведнике. Бедняжка плакала и сокрушалась о покойном и без умолку говорила о достойном пути его. Он преданно любил жену, детей, родню. Учен был и книги святые без усталости читал. Молился трижды в день и заповеди исполнял рьяно. В комнате своей он проповедовал добро ученикам и почитателям. “Заглянуть бы в эту комнату!” – сказал один из гостей. “Ключ всегда при нем был, никому не давал!” – ответила женщина. Юноши подошли к таинственной двери, и она, на диво, не заперта.

На столе шкатулка. Подняли крышку, а там вещь запретная – золотая фигурка человеческая, да еще с крестом! Гости переглянулись молча: ясно без слов, отчего Тувье не стал сего святошу хоронить. Веру отцов предал, чужим богам молился и молодые головы дурманил! Позор таким! Они снаружи беспорочны, а внутри – черны! Еще и награду себе требуют, волки в овечьей шкуре! О злодеях этих сказано:

Пламенный взор, нараспашку душа,
Сердце парит высоко.
Глубже копнуть – лицемер и ханжа,
Лживость не скроешь легко!

Седобородый рассказчик смолк. Красноречиво, как могли, благодарили Забара и Эйнан своего прюитителя и потчивателя. Досыта накормленные, странники удалились на покой и мирно проспали до утра. Пробудившись, оседлали ослов, расцеловали старика, восславили его за содеянное добро и тронулись в путь.

7. В УМНОЙ БЕСЕДЕ УМА ПРИКУПИТЬ

Два путешественника, Иосиф ибн Забара и Эйнан – меж собой друзья и друзья путей-дорог, прямых и кривых, широких и узких, гладких и колдобистых, верных и скользких, короче – всех и всяких без разбору – обошли полмира, а полмира впереди.

Раз под вечер добрались наши странники до некоего города, и Эйнан возрадовался и возвестил: “Здесь подкрепимся и заночуем. Здесь живет моя родня, всякий нам будет рад!” Не успели Забара и Эйнан миновать городские ворота, а уж к ним навстречу вышел благородного вида седовласый старик. Родичи обнялись крепко, и Забаре объятий перепало. Старец завлек к себе пилигримов, и давай улаживать гостей и так и сяк.

Одному рабу хозяин велел омыть ноги усталым путникам, другого отрядил пристроить в стойло честных тружеников-ослов и задать им корму, а третий без приказа помчался к очагу готовить ужин. После знатного пиршества, ублаживши утробу виноградным вином и гранатовым соком, хозяин и гости не прочь были вкушать сладких, горьких и терпких плодов высокого духа. Сказал седовласый: “В старой моей голове много мудрости книжной. Из глубокого сундука достану сотню жемчужин, малую толику богатства. Внемлите, любезные мои. Притчи на сытый желудок отменно приемлет рассудок!”

** Некто сказал мудрецу: “Заносишься предо мною мудростью своей, а ведь она из меня первого вышла!” Ответил мудрец: “Ты прав. Вышла. Да обратно-то не вошла!”

** Один обругал другого, тот не огрызнулся. Спросили: “Почему смолчал?” Ответил: “Возражать глупцу – сравняться с ним!”

** Некто, забывшись, в гневе крикнул сыну: “Фонтан заткни свой, потаскухин сын!” Оскорбленный не задолжал: “С потаскухой ляжет лишь потаскухин сын!”

** Царь, желая похвалить сановника, промолвил: “Ты умнее, чем я думал.” Заметив мину кислую, добавил: “Ты выше прежних моих похвал.”

** Мудреца спросили: “Как человека злого распознать? Ответил: “Это тот, кто добротой своею хвалится.”

** Мудреца спросили: “Что есть красноречие?” Ответил: “Речь краткая, а добавить нечего.”

** Царь сказал мудрецу: “Вот бы хорошо царствовать вечно, без начала и без конца!” Мудрец возразил: “Как бы ты царем стал?”

** Некто пожаловался царю, дескать, министр утесняет. Монарх разгневался и пригрозил жалобщику. Тот посетовал: “Пришел с одной обидой, ухожу с двумя!”

** Двое тяжущихся, один – почтенный, богатый и старый, другой – безродный, бедный и молодой, пришли к судье за справедливостью. Судья, не глядя на молодого, обходительно усадил старика, сказал: “Отдохни с дороги, старейшина великий!” Молодой заметил: “Истина более велика!” Судья прикрикнул: “Тебе, желторотый, молчать по чину!” Тот возразил: “Как иск мой изложу, не открывая рта?” Судья рассвирепел: “Не трудись, знаю наперед – ты солжешь!” Юноша усмехнулся в ответ: “Бог на всех один.” Обескураженный, судья кинулся за советом к царю. Монарх промолвил: “Юнец намекал, что он среди людей известен, как человек правдивый. Посему, его во лжи вина, ты выставляешь себя лжецом. Уважь прошение истца с условием, что царство наше он покинет. Он умен, а потому опасен. Не взбаламутил бы народ!”

** Царь в гостях у министра спросил его юного отпрыска: “Чей дворец лучше, мой или твоего отца?” Отрок ответил: “Моего отца. Пока царь в нем пребывает.”

** Царь примерил новый наряд и, недовольный, проворчал: “Не годится это платье, чтоб наряжаться!” Раб услышал и сказал: “Не годится, чтоб наряжаться, зато годится, чтоб наряжать!” Царь рассмеялся и надел платье на раба.

** Старый, но беспутный поэт читал друзьям свои вирши. Среди слушателей был весьма красивого вида отрок. Стихотворец спросил его: “Впродне ли ты наслаждался моими стихами?” Юноша ответил: “Вполне.” Нечестивец не унимался: “Мои ласки не осрамят моей поэзии!” Отрок не растерялся: “Они осрамят поэта!”

** Пришел бедняк к судье, а тот встретил просителя криком: “С какой такой жалобой явился?” Бедняк сказал: “Помощник твой отнял у меня клочок земли, что меж его и твоим полем. И где теперь мне хлеб растить?” Судья опять в крик: “Чтоб дело решить, нужны свидетели на небе и на земле и еще кое-что!” Бедняк возразил: “Свидетель на небе – бог, свидетель на земле – поле, а еще кое-что от бедняка ли ждешь?” Судья подумал и велел помощнику вернуть пашню.

** Задумал докучливый человек больного навестить. Пришел к нему и спросил: “Помнишь ли меня?” Больной ответил: “С прошлого своего недуга помню. Назойливость досаждала хуже болезни.”

** Навещая больного, докучливый человек спросил: “Чем досадила тебе болезнь?” Тот ответил: “Приходом твоим.”

** Спросили мудреца: “Что требуется всем без исключения?” Ответил: “Успех.”

** Некто высокородный, желая унижить мудреца, бросил ему: “Ты – простолюдин!” Мудрец возразил: “Незнатность – изъян на мне, а ты – изъян на знатности!”

** Некто высокородный насмеялся над неродовитостью мудреца. Тот заметил: “Моя знатность нарождается во мне, твоя – умерла в тебе!”

** Шли лесной дорогой богач и мудрец. Из-за деревьев показались разбойники. Богач сказал: “Только бы не узнали меня!” Мудрец сказал: “Только бы узнали меня!”

** Спросили мудреца: “Чего не гоже говорить, хотя бы сие и было правдой?” Ответил: “Себя хвалить.”

** Спросили мудреца: “Бывает ли, что мало мыслей лучше, чем много?” Ответил: “Бывает. Когда мыслей избыток, а ума – нехватка!”

** Лучник пускает стрелы одну за другой, а те летят мимо цели. Мудрец встал напротив мишени. Его спросили: “Зачем жизнью рискуешь?” Ответил: “Нет места безопаснее этого!”

** Увидел мудрец юношу красивого видом и стройного станом, который лжет без конца. Сказал мудрец: “Дом красив, да жилец в нем безобразен!”

** Некий отрок, сам порочный и мать его блудница, швырял камни в людей без разбору. Мудрец крикнул ему: “Прекрати, ненароком в отца попадешь!”

** Спросили мудреца, что думает о смерти. Ответил: “Смерть есть бедствие богача и избавление бедняка.”

** Метящий в праведники спросил мудреца: “О чем ночью молиться?” Ответил мудрец: “Бойся бога днем, а ночью спи!”

** Умер человек. Спросили мудреца: “Что привело к смерти?” Ответил: “Жизнь.”

** Спросили бедняка: “Что припас на морозные дни?” Ответил: “Дрожь да озноб.”

** Отрок назвал мачеху потаскухой. Та ответила: “Будь я такая, родила б твоему отцу сына вроде тебя!”

** Некто увидел красивую женщину и кричит: “Будь моя воля – убил бы тебя!” Та вопрошает: “За что немилость?” Ответил: “Не иначе, блудница ты!” Красавица спросила: “Неужто всех блудниц поубивал бы?” Ответил: “Всех!” Воскликнула: “Коли так, начни с матери и кончи женой!”

** В божьем храме человек вида весьма уродливого просит господя, чтоб не наказывал его адом. Некто подступил с советом: “По другому молись – не себя стереги от ада, а ад от себя!”

** Мудрец увидел сидящего на пне глупца и воскликнул: “Пень на пень взгромоздился!”

** Некто спросил мудреца: “Как жажду мести утолить?” Ответил: “Совершенствуйся, возвышайся над обидчиком.”

** Некто спросил мудреца: “Когда молчание лучше слов?” Ответил: “В миг достижения желанного.”

** Некто спросил мудреца: “Отчего бы не поместить в одном человеке и богатство и ум?” Ответил: “Не совмещаются материи эти!”

** Сказал мудрец: “Человека над зверем возвышают слово и мысль. Немой и безмозглый подобен скоту.”

** Некто сказал мудрецу: “Царь не полюбит тебя.” Ответил мудрец: “Государи не жалуют превосходящих.”

** Некто спросил праведника: “Какой из скотов самый красивый?” Ответил: “Женщина!”

** Сказал мудрец: “Скрывай правоту, как грехи скрываешь.”

** Сказал мудрец: “Умный враг лучше друга дурака.”

** Сказал мудрец: “Лучше умереть, достоинство храня, чем в мерзости преуспевать!”

** Сказал мудрец: “Есть три приметы человека успешного. Тот многого достиг, кто из дома не спешит, кто отчетом не обязан, кто о былых грехах сожалеет.”

** Сказал мудрец: “Не всякий беглец скроется, не всякий проситель получит.”

** Сказал мудрец: “Удивлюсь тому, кто спокойно спит, зная, что смерть у порога.”

** Случилось, обнищал некий предприимчивый человек и задумал поправить дела, давая советы. Предстал перед богачом и предложил тому три наставления за три тысячи золотых. Богач принял условие, и торговец мудростью изрек: “Первое – в сыновьях своих не ищи добра, второе – без них не проживешь, третье – каждому воздай по заслугам.” Усмехнулся богач: “Не открыл мне нового. Не три тысячи, а три золотых получай за труды!” Советчик бросил с обидой: “Милостыню не приму! Как видно, мудростью богатства не составить!” Богач подумал: “Он прав, хотя и не мудрец.”

** Мудрец попал в плен и был продан в рабство. Покупатель, просвещенный вельможа, спросил нового раба: “Отчего плачешь? Ведь я милосерден и справедлив!” Мудрец ответил: “Свободы лишился, с ней и мудрость утратил!” Вельможа освободил невольника.

** Мудрец ослаб глазами, а к лекарю не спешит. Некто упрекнул его: “Совсем ослепнешь!” Возразил мудрец: “А на кого смотреть?”

** Некто сказал мудрецу: “У меня ума побольше, чем у тебя. Скажешь слово – десять в ответ получишь!” Мудрец ответил: “Скажешь десять – ни одного в ответ не услышишь!”

** Царь уселся на трон и стал судить народ. Подошел к престолу человек весьма низкого роста, упал на колени и взмолился: “О, владыка! Услышь глас угнетенного!” Монарх и ухом не повел. Приближенный спросил царя: “Почему не внемлешь воплю страдальца?” Царь ответил: “В моем государстве никто не обидит малорослого!” Жалобщик вскричал: “Обидчик ниже меня!” Царь рассмеялся и рассудил по справедливости.

** Поэт осмелся высокою особу, испугался и стал прощения просить. А вельможе забавно: “Неужто ты, жалкий стихоплет, меня обидеть можешь?” Ответил поэт: “Прежде, греша и закон преступая, я бога обидеть сумел.”

** Женщина молит бога: “Великий и всемогущий! Забери злодея этого, царя нашего!” Услыхал монарх и смеется: “Выпрашивая царя у господ, не забудь сказать, чтоб новый был прежнего лучше, дабы не получить хуже!”

** Сказал мудрец: “Живи безоглядно, словно жить тебе вечно.”

** Сказал мудрец: “Готовься к смерти, словно завтра умрешь.”

** Сказал мудрец: “Неимуший не боится воров.”

** Мудрец так утешал скорбящего: “Все, что создал творец, сперва малым кажется, потом большим становится. Кроме скорби. Она вначале велика, потом уменьшается.”

** Сказал мудрец: “Снаряжая посла, обретаем надежду. Сладка она, как вода родниковая в жаркий день.”

** Юноша увидал едва передвигающегося старика. Крикнул: “Эй, кто наложил путы на ноги твои?” Старец ответил: “Время. Оно неустанно плетет их для каждого с юных лет его.”

** Некто спросил мудреца: “Какое убежище вовек не выдаст?” Ответил: “Могила.”

** Сказал мудрец: “Расфуфыренный франт подобен петуху разноцветному – выдерни пестрые перья, и от ошипанной курицы не отличишь!”

** Сказал мудрец: “На снадобье надейся, а смерти не минуешь!”

** Некто сказал: “Голова мудреца вмещает мир.”

** Мудрец захворал тяжело, и отступился от него лекарь, в успех не веря. Больной сам одолел недуг. Как-то встретил он своего врача, а тот вопрошает: “Не иначе, с того света вернулся?” Ответил мудрец: “Верно! Много докторов там, и все в аду горят, ибо одни лечить не умеют, другие до смерти залечивают. И тебя хотели туда притянуть, да я вступился. Сказал, мол, он и не лекарь вовсе, и врачеванию не учен!”

** Царский придворный принес в подарок своему господину молодого козленка и сказал: “Кто съест нежную печень животного, у того увеличится мозг.” Монарх вздохнул в ответ: “Ты не первый с таким советом. Кабы верен он был, голова моя была б огромной, как у мула.”

** Явились к царскому двору два шута и давай поясничать и ломаться, орать и над царем насмеяться. Не понравилось это монарху и послал он за палачом. А шуты хохочут: “Было нас два дурака, станет три!” Тут и царь рассмеялся, и подобрел и отпустил незваных гостей с миром.

** Некто обратился к мудрецу: “Найдется ли охотник на тот свет попасть? Не видать такого и среди святош!” Мудрец ответил: “Переверни вопрос. Спроси, кому мечтается вернуться с того света. В любого пальцем ткнешь – не ошибешься. Пусть даже он святоша!”

** Ученики обратились к мудрецу: “Ты наставлять нас перестал!” Тот согласился. Они спросили: “Отчего, ведь учились у тебя тому, чему бог тебя учил!” Мудрец ответил: “Когда увижу, что ходите путями бога, учение продолжу.”

** Некий богач любил гостить у мудреца и приезжал верхом на муле. Раз пришел пешком. Хозяин спросил: “Где мул?” Гость ответил: “Фураж подорожал, не прокормить скотину, оставил дома голодом.” Мудрец заметил: “Скупость твою зная, мул подумает, что корм его съел ты!”

** Некто обратился к царю запросто по имени. Монарх вскипел: “В своем ли ты уме?” Смельчак возразил: “Пророков наших по именам зовем, а тебя нельзя?”

** Спросили мудреца: “Каких людей за важных почитать?” Ответил: “Что до меня, я дураков ценю. Гляжу на их деяния, и поступаю наоборот.”

** Сказал мудрец: “Любовь есть высочайшее из благ, а блага есть вершины мира.”

** Сказал мудрец: “Любовь есть древо плодоносное весьма, и меру помни, дары его вкушая.”

** Три вещи удручают человека: первая – свеча погасшая, вторая – посланец нерасторопный, третья – стол накрытый, а едоков нет.

** Три меры достоинств: равнодушие к излишествах, благосклонность к людям, приязнь людей.

** Три черты глупца: верит без разбора всякому, отвечает мгновенно, мнение меняет с легкостью.

** Три начала правят людьми: знание, мудрость и вера. Знание – это владыка, мудрость – поводырь, вера – маяк.

** Некто обратился к мудрецу: “К совершенству стремясь, плоть низкую обуздываю, чтоб ввысь душа взлетела. Что посоветуешь?” Мудрец ответил: “Не переусердствуй, дабы от плоти душа совсем не отлетела.”

** Спросили отшельника, почему одеяние его черное. Ответил: “Цвет сей подобает скромности.”

** Спросили отшельника, как замечает времени ход. Ответил: “Желаний все меньше, а тревог все больше.”

** Некто спросил мудреца: “Когда скорбь отрадна?” Мудрец ответил: “Когда умному доводится оплакивать смерть глупца.”

** Сказал мудрец: “Доблесть – льву, тяготы – быку, ум – журавлю, ткачество – пауку, домов устройство – пчелам, а собирать и сберегать – муравьиный труд.”

** Бойся времени, худшего врага своего.

** Не замечаем добра, пока да при нас, а покинет – хватимся!

** Двух вещей делать нельзя: завидовать друзьям и плодить врагов.

** Сказал мудрец: “Упорным размышлением добудешь знание, многотерпением душу умиротворишь, немногословием обретешь почет, прямою заслужишь любовь, милосердием возвысишь себя, кротостью богу угодишь, тропой испытаний придешь к успеху, скромностью число друзей умножишь, страстями растревожишь сердце, а пороку отдавшись – на корню сгниешь.”

** Радость на миру – во зло, ибо завистники накличат беду.

** Печаль наполовину убивает душу, а бедность целиком умертвляет тело.

** Сказал мудрец: “В трех мирных целях ложь может быть полезна: примирить врагов, замирить друзей, помирить супругов.”

** Попросили мудреца назвать лучших его друзей. Сказал: “Вера и любовь.”

** Попросили мудреца назвать худших его врагов. Сказал: “Вождение и зависть.”

** Попросил ученик мудреца: “Прикажи и исполню.” Мудрец сказал: “Приказываю не исполнять!” И растерялся ученик.

** Спросили мудреца, кто всех щедрее. Ответил: “Тот, кто посвящает собственный мир исправлению мира.”

** Спросили мудреца, кто всех храбрее. Ответил: “Тот, кто искренне бога боится.”

** Некий вертопрах получил наследство и промотал. Увидел мудрец, что у того на обед черствая корка да вода, и сказал: “Кабы раньше думал, что тебе это есть придется, сейчас не ел бы это.”

** Бренна плоть наша, а поранишь – и заживет!

** Время творит человека.

** Некто спросил мудреца: “Почему вода в море соленая?” Ответил: “Сперва скажи, какая польза тебе знать это, потом причину назову!”

** Одиноким богач посулил подарить кобылу своему знакомцу. Пришел срок, и тот напомнил. Сказал богач: “Разве могу я слово нарушить? Да боюсь, получишь обещанное и совсем меня забудешь!” Возразил знакомец: “Эту кобылу давай сюда, а другую пообещай, и не забуду тебя!”

** Поучал отец сына: “Выбирая жен, избегай жалостливых, памятливых и скупых. Жалостливые страдают детям, в прежнем браке прижитым, памятливые досаждают вздохами об умершем муже, от скупых не дождешься законной своей доли.”

** Некий хлебосол носил на пальце кольцо с надписью “Погостил и будет!” Бывало, засидится посетитель сверх меры, а хозяин выставит палец невзначай, гость прочтет и откланяется.

Услыхавши последнюю притчу, понятливые Забара и Эйнан безошибочно определили в ней намек. Стали прощаться и горячо благодарить хозяина за яства и за мудрые речи. Потом улеглись спать, а утром вновь рассыпались в благодарностях, и, распрощавшись со стариком, двинулись в путь. Воскликнул Эйнан: “Как хорошо кровника встретить в дороге!” А Забара подхватил: “Нам родич эйнанов добавил ума, премудрости книжной открыв закрома!”

8. ЕШЬ ВПОЛСЫТА – ПРОЖИВЕШЬ ДОСЫТА

В давние времена в городе Барселоне здравствовал и процветал некий иудей по вере и лекарь по роду занятий, звали которого Иосиф ибн Забара. Однажды явился к нему гость по имени Эйнан и стал убеждать покинуть родину и отправиться на поиски подлинного признания и великой славы, коих барселонский врачеватель был несомненно достоин. Лестью и сладкоречием Эйнан добился доверия Забары, и подружились они, и пустились в путешествие по свету, и многие приключения и оказии скрепили товарищество сих пилигримов. Но как ветер нагонит черную тучу на ясное солнышко, так неведомая сила расщепит надвое гранит дружбы, а поводы к ссоре умножатся сами собой.

Горький хрен раздора

Вот добрались наши странники до каменной крепости, и Эйнан объявил, что за стенами этими расположен его родной город, и Забара драгоценный гость в доме его. Гордый хозяин принялся показывать визитеру прекрасные свои палаты, но очень уж велики хоромы, и нескончаемы всякие диковины. Забара, как на грех голодный и жаждой мучимый, заметил без церемоний, что довольно глаза тешить и лучше бы желудку потрафить. Эйнан возразил, не торопись, мол, поесть успеешь, а кто спешит тот и опаздывает. И весьма насторожил Забару нехлебосольный ответ.

Уселись, наконец, за стол. Раб покрыл его скатертью, ветхой и нечистой. Потом принес две большие чаши – в одной хрен, в другой уксус. А вместо хлеба водрузил корзину опресноков, сухих, как песок пустыни.

- Макай хрен в уксус и ешь, - сказал Эйнан, - изысканное это блюдо необыкновенно полезно: гасит пожар в печени и для желудка не тяжело.

- Печень моя и без того холодна, хрен повредит, а уксус не поможет, - уныло возразил Иосиф ибн Забара.

- Хрен не позволяет дурным жидкостям разливаться по телу. Он остановит и черную влагу, что питает меланхолию, и красную влагу, что разжигает гордыню.

- Как врач скажу тебе – от хрена происходят темень в глазах, слабость в ногах, запор жестокий, а груди у женщин сморщиваются. Природа вещи в имени ее заключена. Скажем,

природа свиньи – свинская, и природа хрена тому же закону следует. И опресноки не ко времени тут. Разве сегодня ночь пасхальная?

- Ты худое о пище знаешь, а добрым пренебрегаешь, - возразил Эйнан.

- Худое важнее знать, дабы от вреда уберечься, - сказал Иосиф.

- Вижу, не хочешь ты моего угощения. А ведь мудрый Соломон говорил, что праведный ест вволю, а чрево нечестивого оскудевает.

- Коли так, - воскликнул смущенный Забара, - наемся и я! – сказал и мигом проглотил чуть не весь хрен.

- Экий аппетит у тебя непомерный! – воскликнул Эйнан и велел рабу унести поскорей остатки хрена.

“Скупец!” – подумал Иосиф. “Обжора!” – подумал Эйнан.

- Мудрец сказал, - заметил Забара, - что у кого есть, что есть, пусть ест, как проголодается, а у кого нечего есть, пусть ест, как еда появится.

- Ешь, дружище, все, что видишь перед собой. И стол дубовый ешь, и свечу сальную, и скатерть дорогого бархата! – с досадой ответил Эйнан.

- Благословен, кто знает, что завтра увидит восход, и будет сыт.

- Кто обуздает вожделение чревоугодия, того ждет величие. Ради твоей славы мы в путь пустились. Не так ли, Иосиф?

Однако, напоминание о прекрасной цели путешествия не смягчило барселонского лекаря. Трудно вырвать из сердца обиду, как из платья вытравить гниду.

Хвалы умеренности

Покончив с первой переменной кушаний, украшением которой была чаша с хреном, хозяин и гость продолжили оживленную, хоть и несколько омраченную наметившимся раздором застольную беседу, и углубились в предмет умеренности в еде.

- Для многих болезней лучшим снадобьем является подходящая пища, - изрек Забара, - и не оставляй желудок пустым на долгое время, и избежишь недугов.

- Брюхо твое желает харчей всякий час. Впрочем, не желудок ненасытен, а обжора. Боюсь, гнездятся в тебе хвори. Или забыл, что врач пример подает, и не гоже ему объедаться? – спросил Эйнан.

- Ешь, пока естся! Лишь скупец надеется жить вечно, забывая, что смерть придет, и конец удовольствиям, хоть ты врач, хоть вельможа, хоть монарх!

- Надо есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть, и из умеренности родится радость! – провозгласил Эйнан.

- Воздержанность и счастье плохо уживаются, и век не будешь сытым, коль ешь до полусыта!

- Ешь до полусыта – проживешь досыта! – не остался в долгу хозяин.

- А мудрецы что в книгах пишут? – спросил Забара.

- Пишут: “Ешь понемногу и не умрешь, ей-богу!” – торжествуя заявил Эйнан.

- Читал, да не уразумел! Это ведь утешение голодным, а не увещание сытым! – парировал Забара.

Эйнан осерчал, и не оттого, что замечание дерзко, а оттого, что справедливым показалось. И решил хозяин поразить гостя книжным знанием и обрушил на голову его камнепад мудрости.

** Умеренность в еде – от всех немочей лекарство.

** Меньше есть – меньше болеть.

** На пустой желудок и совет умней выйдет.

** Сильно голоден – можно и к столу, не сильно голоден – прочь из-за стола!

** Пища – как лекарство: помалу и не сладко, не наслаждение, а польза!

** Чревоугодие – худшая из страстей.

** Достоинства человека – в преобладании разума над прихотями желудка, недостатки – в противном.

** Раб вожделений – раб, господин вожделений – господин.

** Не верь, что некто мудр, покуда не убедишься, что он умерен в еде.

** Царь попросил четырех великих врачей назвать снадобье, которое лечит и не вредит. Первый сказал: “Теплая вода.” Второй сказал: “Горчичное семя.” Третий сказал: “Личинки чернокрылой бабочки.” А четвертый молчит. “Говори и ты!” – потребовал царь. “Теплая вода расслабляет желудок, от горчичного семени обмочиться можно, а от личинок чернокрылой бабочки печенка болит!” – сказал четвертый врачеватель. “Какое же твое средство?” – спросил царь. “Мое средство простое. Поел в меру, из-за стола встань и к столу не возвращайся!” – ответил четвертый.

- И если тебе, дражайший мой гость, - промолвил Эйнан, - любовь к услаждению нутра заслонила разум, и речи мудрецов темны кажутся, то скажу простыми словами поэта:

“Всяк, кому обжорство в радость,
До заката ест от зорьки,
Не узнает жизни сладость
И помрет в недугах горьких.”

Ягненок и бык

Поток эйнанова красноречия был прерван появлением раба, который нес впереди себя на вытянутых руках дымящееся блюдо, отягощенное жареным ягненком. В воздухе повис умопомрачительный аромат. Забара приободрился.

- Жизнью клянусь, жареное мясо – яд! – заявил благонамеренный Эйнан, - и не что иное, но любовь к другу говорит устами моими!

- Жизнью клянусь, любовь твоя дьявольская, и удушают объятия ее! – воскликнул Иосиф ибн Забара.

- Не веришь мне, так поверь мудрецу, что назвал пять абсолютно ненужных вещей.

- Какие это вещи?

- Дождь над морем, свеча средь бела дня, юница бессильному старику, милосердие неблагодарному и жареное мясо в пищу человеку.

- Чем же мясо-то плохо?

- Оно портит зубы, обременяет желудок, вздувает живот, гонит в отхожее место трижды в час.

Не внемля хозяину, Забара нацелился на грудинку. “Сердцу навредишь!” – остерег Эйнан.

Забара протянул руку к ребрышкам. “Эта часть плохо переваривается!” – вскричал Эйнан.

Забара взглянул на почки. “Стоп! От этого кровь в мочу попадет!” – прорычал Эйнан.

Забара потянулся к ляжке. “Не смей! Кусок этот близок к кишкам и нечист!” – заорал Эйнан.

Забара собрался взять курдючок. “Грязь и мерзость это!” – заверещал Эйнан.

- Зачем велел принести ягненка, коли не хочешь, чтоб я ел от него? – спросил Забара.

- Поешь от лытки или бедрышка, эти куски – меньшее зло, - примирительно сказал Эйнан.

Только Забара потянулся к мясу, а Эйнан опять за свое: “Эй, не бери от передних ножек, а бери от задних! Да не хватай левую, она близко к сердцу, а возьми правую! Я сам тебе подам!” Эйнан протянул гостю сухую и пригорелую правую ножку ягненка, и Иосиф с унылым видом принялся за угощение. Огорченный разгулом пиршества, хозяин приказал рабу убрать блюдо, да поживей. Гость вскипел от гнева и швырнул на пол тарелку. “Доколе смеяться будешь надо мной, скупердяй? – завопил Забара, - где слыхано, и из какой книги вычитал, чтоб человека, как собаку, костями кормить!? Добром дай мне мяса, не то силой возьму!” И обезумевший Иосиф бросился вдогонку за рабом и успел урвать основательный кусок.

- Наглый дебошир! – взвизгнул Эйнан.

- Это хлебосольству твоему награда! – съязвил Забара.

- Благодарю небо, что ты мой гость! Такого, как ты, дубину, дубиной дубасить впору!

- Угораздило же меня с тобой связаться! – всхлипнул Иосиф.

- И то верно: прощанье с глупцом лучше встречи с мудрецом! – воскликнул Эйнан, - ты изрядно объелся и жди беды, и радость твоя превратится в горе, как случилось с неким царем.

- Расскажи!

- Царский садовник нарезал роз, принес их государю, и поставил перед ним вазу с прекрасными цветами. Возрадовался монарх и тотчас созвал пир. И пригласил возлюбленную жену свою, чтоб и она насладились красотой. Беременная супруга уселась поближе к роскошным розам и, очарованная прелестью цветов, осторожно взяла один из них. Тут выпругнула из вазы прятая в ней змея и напугала женщину. И случились у нее преждевременные схватки, и родила она мертвого, и не осчастливила царя наследником. Так радость обратилась горем.

- Рассказ твой занятен, но к делу не идет, - мстительно заметил Забара.

Желая умиротворить гостя, хозяин приказал рабу принести новое угощение. Ретивый раб мигом доставил огромное блюдо, а на нем гора бычьего мяса. Говорят, однако, что худому началу плохой конец под стать. Только Забара задумался, с чего начать трапезу, неисправимый Эйнан принялся за старое. “Берегись бычатины! От нее боли в руках, судороги в ногах и мигрень в голове. Кожа сморщивается, волосы выпадают и язык коснеет. Эй, раб, уноси скорей отраву, и спасем дорогого гостя!” Но и на сей раз Забара оказался проворнее раба, и изловчился, и отпрвил в рот добрый шматок мяса. Эйнан вновь прибегнул к помощи поэта:

“Обжора съест в гостях быка,
Ему положишь палец в рот –
По локоть пропадет рука,
Урок: не расточай щедрот!”

- Тебе, Эйнан, урок ни к чему, - подбровшим голосом произнес Иосиф.
- Погоди, еще раскаешься в своем неумном вожделении! От обжорства растолстеешь и попадешь в беду, как одна лиса, и потом вернешься к бывшей худобе, - посулил Эйнан.
- И что же приключилось с рыжехвостой? – благодушно спросил Забара.
- Жила лиса в некоем лесу, и не хватало ей корма, и задумала она найти место посытнее. Набрела на прекрасный сад, нашла дыру в ограде, пробралась вовнутрь и поселилась в благодатном месте. В изобилии мыши, глухари, жуки всякие. А уж фруктов и прочих плодов – видно-невидимо. Пришло время собирать урожай, и появились в саду крестьяне. Лиса испугалась смертельно. “Заметят меня, поймают, убьют и шкуру сдерут!” – подумала. Бросилась к дыре в ограде, а пролезть-то не может – растолстела. Залилась горячими слезами, затаилась в канаве, и неделю ничего не ела, и отошала, и выбралась из сада, и так спаслась.”
- Какова мораль? Не толстеть, чтоб снова худеть не пришлось? – спросил Забара.
- И это тоже. Однако, помни: всякая перемена в жизни ведет к беде и через муки возвращает к прежнему, - многозначительно сказал Эйнан.
- Не каркай! От дурного эйнаного глаза аппетит пропадет мой сразу!

9. ПЕРЕПЛУТУЮ ПЛОТЬ-ПЛУТОВКУ!

Известно миру, что сердцевина мужской дружбы каменно тверда. Если же нутро вещи незыблемо, но снаружи нежданно откроется трещинка, то ее заделать можно, или затянется сама.

Лекарь из Барселоны Иосиф ибн Забара подружился с неким человеком по имени Эйнан. Друзья отправились в путешествие, и каверзы долгого пути прочно сроднили души двух странников. Как добрались путники до родины Эйнана и как стали ужинать в доме его, показалось Забаре, что хозяин нехлебосолен, и случилась меж товарищами размолвка. В завершении обильной словесами трапезы, дабы поднять дух гостя, Эйнан щедро накормил его отменным бычьим мясом, и совсем почти исчезла упомянутая выше трещинка.

Разомлевший от сытной пищи гость запросился на покой, но небескорыстный хозяин захотел возместить угощение продолжением беседы и не отпустил Забару спать.

- Вот ты, Иосиф, гордишься образованностью и твердишь, что мудрость медицины превзошел, - начал Эйнан, - и потому хотел бы я спросить тебя о некоторых предметах и, выслушав ответы, встать на почву твоей уверенности.
- Я славно наелся, и доволен вполне, и если осталось во мне какое желание, так только сладко соснуть, - сказал, зевая, Забара.
- Не выйдет, дружище! Ты задал работу желудку, пусть и мозги потрудятся. Докажи, что в коня корм.
- О чем спрашивать станешь, Эйнан?
- О плоти человеческой и тайнах ее.
- Все тайны мне известны!
- А ведь скрытна плоть и хитра.
- Переплутую плоть-плутовку!

И принялся Эйнан затейливо вопрошать, и не застал Забару врасплох, и подивился проникновенной мудрости его.

** Спросил Эйнан: “Почему, в отличие от прочих сосудов тела, два глазных сосуда полые?”
Ответил Забара: “Глазные сосуды свободны от содержимого, дабы не припятствовать продвижению зрительной силы, что исходит из мозга и возвращается в него.”

** Спросил Эйнан: “Почему глаза раздваивают вещь?”
Ответил Забара: “Посредством одного сосуда мозг зрит слева, посредством другого – справа. Если прикроешь глаз, то увидишь вещь только с одной стороны.”

** Спросил Эйнан: “Чих отчего случается и почему громкий?”
Ответил Забара: “Влага и воздух в голове вредны мозгу, поэтому природа собирает их в специальной узкой полости, и давит на них своею силой, и изгоняет через нос, и случается чих. Поскольку сила велика, то чих выходит громким.”

** Спросил Эйнан: “Почему корни верхних зубов крепче корней нижних зубов?”
Ответил Забара: “Неподвижные верхние зубы – ступа, подвижные нижние зубы – пест. А ступа должна быть прочнее, чем пест.”

** Спросил Эйнан: “Почему воздух, выдыхаемый из открытого рта, - теплый, и им можно холодные руки согреть, а воздух, выдуваемый из закрытого рта, - холодный, и я им горячую пищу остудить могу?”
Ответил Забара: “Воздух во рту теплый всегда, ибо сердце согревает его. Сомкнув губы и дую из закрытого рта, ты сжимаешь и гонишь воздух, а что сжимает и гонит, то и охлаждает.”

** Спросил Эйнан: “Почему теплый воздух, выдыхаемый изо рта, кажется холодным в бане?”
Ответил Забара: “В бане воздух горячий, а теплое против горячего – холодное.”

** Спросил Эйнан: “Когда человек думает о неизвестном и должен догадаться, то наклоняет голову вниз. Когда думает о забытом и хочет вспомнить, то задирает голову вверх. Знаешь объяснение сему?”
Ответил Забара: “Вместилище догадок расположено внизу мозга, вместилище памяти – вверху. Наклоняя голову, человек помогает силе мысли подобраться к догадке и понять неизвестное, задирая голову, мы направляем мысль к памяти и вспоминаем забытое. Увы, немногим ведомо это исчерпывающее, простое, глубокое и кристально ясное объяснение.”

** Спросил Эйнан: “Сколько вместилищ в желудке?”
Ответил Забара: “Три. Одно, вертикальное, для поступающей пищи, другое, наискось, для переваривания пищи и третье, горизонтальное, для препровождения переваренной пищи в органы тела.”

** Спросил Эйнан: “Сколько кишок у человека?”
Ответил Забара: “Шесть. Верхних тонких три и нижних толстых три.”

** Спросил Эйнан: “Почему кишки завиты в клубок?”
Ответил Забара: “Клубок близок к печени, и она всасывает из него сок, в который, переварившись, превратилась пища. Завиваясь в клубок, кишки делаются длиннее и этим помогают печени всасывать больше сока.”

** Спросил Эйнан: “Ни в кишках ни в печени отверстий нет. Как пищевой сок попадает из одного в другое?”

Ответил Забара: “С помощью чудесной силы, что выше нашего понимания. Сила эта сверхъестественная и подобна силе магнесийского камня, притягивающего железо.”

** Спросил Эйнан: “Почему наполнившийся мочевой пузырь закрывается, и человек в опасности?”

Ответил Забара: “Стенки его разбухают и замыкают отверстие. Опротай резервуар, и минует опасность.”

** Спросил Эйнан: “Если снится человеку, будто он совокупляется, то помимо воли семя выходит. А если спящему приспело помочиться, ничего не выходит, пока не проснется. Отчего так?”

Ответил Забара: “Причина сего никому почти не известна, но тебя удостою в благодарность за угощение бычьим мясом. Человеком управляют две силы: сила природы и сила органов. Сила природы препятствует всякому произвольному излиянию из тела. Сила органов иногда в ладу с силой природы, а другой раз перечит ей. Когда человек во сне овладевает женщиной, то все органы сговариваются ради наслаждения и побеждают стерегущую силу природы, и семя извергается. Власть стыдных органов над человеком велика. Вот и у кормящей матери молоко из груди само собою выступает. Если же спящий желает помочиться, то органы его, кроме стыдного, в ладу со стоящей на карауле силой природы, и приходится человеку просыпаться. У младенца же силы природы и всех почти органов весьма незначительны, и стыдный орган берет верх, и дитя мочится во сне. И ежели голова твоя, Эйнан, уразумела сказанное мною, то гордись новым знанием.”

** Спросил Эйнан: “Почему селезенку называют органом смеха?”

Ответил Забара: “Имеются два логичных и правомерных объяснения. Первое: селезенка вбирает из тела человека черную влагу, которая производит меланхолию, источник и причину глупости, а глупость, как известно со времен царя Соломона, побуждает к смеху. Второе: впитав в себя меланхолию, селезенка освобождает нас от тяжелых мыслей, и мы веселимся и смеемся.”

** Спросил Эйнан: “Почему отрок ест больше взрослого мужа?”

Ответил Забара: “Отрок нуждается в пище для восстановления сил и для роста, а взрослому мужу нужно только силы поддержать.”

** Спросил Эйнан: “Почему подниматься в гору тяжело, а спускаться с горы легко?”

Ответил Забара: “Природа требует, чтоб идущий держался прямо. Поднимаясь в гору, мы невольно нагибаемся вперед, а наперекор природе тяжело идти. Спускаясь с горы, человек выпрямляется, и легко ему.”

** Спросил Эйнан: “Как мор людей губит?”

Ответил Забара: “Если болезнь передается через воздух, то заболеют все, и умрут все, ибо воздух один на всех. Если зараза приходит с пищей, то которые едят ее – погибнут, а другие уцелеют.”

** Спросил Эйнан: “Зачем человеку шея?”

Ответил Забара: “Шея нужна, чтоб отдалить голову от сердца, ибо в нем слишком горячая кровь, которая повредит мозгу. Кровь остынет, пока поднимется через шею к голове. Дым над пламенем густой и горячий, а чуть повыше – прозрачный и теплый. А еще шея полезна тем, что помогает производить голос, и мы говорим.”

** Спросил Эйнан: “Почему младенец рождается без зубов?”

Ответил Забара: “Чтоб не досаждал матери, когда сосет грудь. А еще, чтоб не было у нее соблазна давать чаду нерастертую пищу, которая повредит нежному желудку.”

** Спросил Эйнан: “Какой материал для роста зубов надобен?”

Ответил Забара: “Зубам требуются остатки грубой и твердой пищи, а возвращаются они теплом материнского молока. Чем теплей молоко, тем быстрее зубы растут.”

** Спросил Эйнан: “Почему у младенца сперва появляются маленькие зубы – передние резцы – а большие зубы – клыки и коренные, вырастают после?”

Ответил Забара: “Тому три верных причины имеются. Первая: новорожденному дают только жидкую пищу, а твердую и грубую, потребную для роста коренных и клыков, он не ест. Вторая: младенцу вначале нужны резцы, ибо малых сил его хватает, чтобы резать мягкое, но их не достаёт, чтоб жевать твердое коренными зубами. Третья: тело у ребенка маленькое и тепла в нем мало, а от малого тепла вырастают малые вещи, и поэтому первыми появляются маленькие передние зубы.”

** Спросил Эйнан: “Почему у детей зубы меняются?”

Ответил Забара: “Молочные зубы слабые, ибо дитя все больше мягкую пищу ест. Подрастет ребенок и станет есть твердое. А твердый материал вытесняет мягкий, и зубы меняются. А в старости зубы и волосы выпадают по причине сухости. Вот и растения так же старятся – высыхают, увядают и осыпаются.”

** Спросил Эйнан: “Почему слезы скорби соленые?”

Ответил Забара: “От скорби сердце перегревается, и слезы вскипают и от этого делаются солеными. А слезы счастья сладкие, ибо их радостное сердце подслащивает.”

** Спросил Эйнан: “Почему соленая вода тяжелее пресной?”

Ответил Забара: “Пресная вода нежная и прозрачная, а соленая – грубая и мутная, и оттого она тяжелее. Опустив яйцо в пресную воду, и оно утонет, а растворив соль в ней, и яйцо не пойдет ко дну. На Святой земле есть море, Содомское называется, и вода в нем соленая до горечи. Ни человек ни животное в этом море не тонут, и рыба в нем не водится из-за избытка соли.”

** Спросил Эйнан: “Почему соленая вода теплее пресной?”

Ответил Забара: “Пресная вода, родниковая к примеру, выходит из-под земли, где нет тепла. Соленая морская вода теплая, ибо она согревается огнем, бушующим на далеких землях, омываемых морем.”

** Спросил Эйнан: “Почему снег белый?”

Ответил Забара: “Капельки воды замерзают и падают на землю снежинками, которые долго кружатся в небе, и воздух очищает их, и они становятся белыми-белыми.”

** Спросил Эйнан: “Град образуется от замерзания воды. Почему же он выпадает жарким летом, а не холодной зимой?”

Ответил Забара: “В небе живут и враждуют тепло и холод. Жарким летом тепло сильнее холода, и, лютуя, оно гонит его подальше, и он прячется в облаках, и быстро замораживает капли воды в них, и выпадает град. Зимой же силы противников равны, и холод не ищет убежища в облаках, и не бывает града. Возьми два сосуда с горячей водой, и поставь один в тень, а другой на солнце, и увидишь, что в прохладном воздухе вода остывает быстрее.”

** Спросил Эйнан: “Почему незаконнорожденные дети необычайно умны?”

Ответил Забара: “Уж ночь на исходе! Доколе будешь одолевать меня?” Сказал Эйнан: “Видно, не по зубам тебе сей вопрос!” Возразил Забара: “Я устал смертельно и спать хочу. Но, чтоб в башке твоей глупые мысли не застревали, отвечу. Знай же: незаконнорожденный ребенок - это плод прелюбодеяния, а оно есть результат взаимной любви, а любовь рождается страстью, а страсть питается сердечным теплом, которое согревает мужское и женское семя во время совокупления, а зачатое от горячего семени дитя непременно родится умным.”

** Спросил Эйнан: “Почему мудрецы говорят, что если во время совокупления семя женщины выйдет первым, то родится мальчик, а если раньше выйдет семя мужчины, то родится девочка?”

Ответил Забара: “Если семя женщины выйдет первым, то оно, дожидаясь в матке семени мужчины, охлаждается и теряет силу. А мужское семя, как появится, сразу соединится с женским, и поскольку мужское семя еще не остыло, то оно сильнее женского, и будет зачат мальчик. Но, если мужское семя выйдет раньше, то оно успеет остыть, в ожидании женского семени, которое при слиянии будет теплее и потому сильнее, и родится девочка. А еще, дружище Эйнан, мудрецы говорят, что два семени, соединившись, покрываются пленкой и прикрепляются к матке внутри нее. А потом начинает действовать божественная сила, которая творит образ будущего человека. Добавляют мудрецы, что мужское семя должно извергаться мощно, а иначе оно не сольется с женским. Говорят также, что если мужчина слаб и не может оттянуть выход семени, то уделом его будут дочери, а если силен и задерживает изливание, то наградой ему станут сыновья. Почему у Лота родились только мальчики? Да потому, что он пьяным совокуплялся с дочерьми своими, а у пьяных, как известно, семя долго не выходит.”

** Спросил Эйнан: “Мудрецы говорят, что редька, этрог и яйцо полезны благодаря коже. У редьки и этрога и впрямь покров ядреный. А яичная скорлупа как в благородные затесалась?”

Ответил Забара: “Чтоб пища принесла пользу, желудок должен переварить ее. Кожура редьки и этрога весьма способствует желудку и этим ценна. Что до яйца, то важность его в желтке. Однако, желток природой своей близок к крови, и если слишком быстро переварится, обратится в кровь и пользу не принесет. Зато если съешь яйцо со скорлупой, то она сильно задержит переваривание желтка, и он не обратится в кровь, и принесет пользу полной мерой.”

** Спросил Эйнан: “Всегда ли полезны кушанья из рыбы?”

Ответил Забара: “Кровь в рыбе холодная, и если не выпустить ее перед тем, как рыбное блюдо готовить, она проникнет в кровеносные сосуды наши, и охладит органы, и приведет к малокровию, и еще много всякого ущерба причинит.”

** Спросил Эйнан: “В чем заключаются причины сна, падучей болезни и паралича, называемого апоплексией?”

Ответил Забара: “Причины сна и падучей болезни гнездятся в глубине мозга, а паралич, апоплексия то есть, происходит от того, что половина мозга впадает в спячку.”

Получив обстоятельные ответы, насытив безжалостное любопытство и не имея более воображения для новых вопросов, Эйнан отпустил Забару на покой. Утомленный сытным ужином и возбужденный беседой, гость долго ворочался в постели. Лишь под утро заснул сердяга, ох намаялся, бедолага!

10. ОХОЧ, ДА НЕ ГОРАЗД

В давние времена жил себе в городе Барселоне иудей Иосиф ибн Забара, и славен он был среди горожан искусством врачевания. Как-то явился к нему гость по имени Эйнан, и сказался собратом по лекарскому делу, и подольстился, и убедил отправиться вдвоем на поиски новой и заслуженной славы. Известно миру: лезть любят все, а мы любим тех, кто восхищается нами. И хоть уступил Иосиф с опаской и колеблясь, но тяготы путей-дорог сдружили искателей почестей.

Вот наши пилигримы добрались до родины Эйнана, и последний не явил радушия и хлебосольства, и сомнения вернулись в душу Забары, и он вознамерился испытать вежество и правдивость друга.

Накануне Эйнан обрушил на голову барселонца камнепад вопросов и не отпускал на покой утомленного гостя, покуда не насытил свое любопытство. Следующей ночью Иосиф задумал отплатить хозяину той же монетой, а заодно и узнать, чем полнится вместилище, наружу коего Эйнан шапкой украшает.

- Будет спать! – возопил Забара, растолкавши среди ночи Эйнана, - сегодня твой черед являть ученость.

- Я готов! Попрошай и уловляй перлы из уст моих! – воскликнул Эйнан.

- В какой премудрости испытать тебя?

- Сам выбирай. Половиною любой из всех владею!

- Для начала ответь кое-что из бытия тел небесных. Почему с дневным светилом затмение случается в конце месяца, а с ночным – в середине?

- Не знаю.

- Почему свет луны прибывает от начала месяца до середины, а от середины до конца – убывает?

- Не знаю.

- Спрошу теперь из науки, называемой греками геометрией. Линию мы в голове воображаем, а рукой потрогать не можем. Что же эта за удивительная вещь, на которой учение о мерах зиждется?

- Не знаю.

- Представь в уме часть круга длиной в четыре локтя и высотой в одну пядь, и скажи, как узнать длину кривой линии, соединяющей концы сей фигуры, и как исчислить поверхность, ею накрываемой?

- Не знаю.

- Проверим, что ведаешь ты о нашей речи. Каким буквам сообразны звуки горловые, а каким – произносимые губами и языком?

- Не знаю.

- Есть ли буквы, что звучат различно, зависимо от слова?

- Не знаю.

- Испытаем твое соображенье в логике. Вода точила камень и знак оставила на нем, и как найдешь его среди прочих множества камней?

- Не знаю.

- Интересно, кумекаешь ли в арифметике. Что больше: одна треть, две шестых иль три девятых?

- Не знаю.

- Сейчас увидим, смыслишь ли в составлении календаря. Скажи, дружище, что говорили наши мудрецы, мир праху их, о прибавлении дня к месяцу, и какой месяц следует увеличить, и зависит ли сие от времени захода солнца, и еще скажи...

- Довольно! Умничаешь шибко! Выражения твои нечеловеческие и потому невнятные и непонятные, и нет их в книгах, и ты сам их выдумал! – взорвался Эйнан.

- Отговорки! Я спрашивал тебя из книг, и понимающий поймет. Ты давеча похвалялся, что одолел половину всякой премудрости, а на деле ни половину, ни половину половины, ни половину половины половины, и так далее, не знаешь! Способный на большие дела не бахвалится, а истинно благородный не кичится, - констатировал Забара.

- Всякий, кто сказал “не знаю”, уже поэтому мудрец наполовину! – парировал Эйнан.

- По правилу сему ты мудрец бесспорный!

- Мне открылись две глубочайшие тайны, - заявил Эйнан.

- Какие же?

- Первая: молчанье – золото. Вторая: развязанный язык – худшее из зол.

- Твои ответы в духе этих тайн и тайны стерегут, - заметил Забара.

- Признаюсь, из всех наук учил я только медицину, она доля моя и судьба.

- Поглядим, каков ты дока в ней, - сказал Забара, - ответь, какие недуги пожалованы господом, а какие есть происки дьявола?

- Не знаю.

- Какая жажда сильней – от огня в желудке или от пожара в печени?

- Не знаю.

- Из каких сосудов кровь выпускают, чтоб больному помочь?

- Не знаю.

- Если прозрачный слой мочи опустится на дно стеклянной посуды, то хороший ли это знак больному, и если упомянутый слой всплывет вверх, то сулит ли это беду?

- Не знаю.

- Почему у старых людей зубы шатаются?

- Не знаю.

- Как называется камень, который глядющему на него в упор глазу кажется белым, и взгляду слева представляется красным, и взору справа видится зеленым, и отливает чернотой, ежели уставиться на него сверху?

- Не знаю.

- Как называется смола, потребная для скатывания целебных пилюль, которые, тая под языком, враз четыре вкуса источают: горький, сладкий, соленый и кислый?

- Не знаю.

- Как глаз человеческий устроен?

- Не знаю.

- Почему семимесячный недоносок выживает, а родившийся в восемь месяцев не жилец, хоть он и ближе к естественному сроку?

- Не знаю.

- Почему божественная сила творца иной раз зачинает в материнском чреве двойню, а то и троих, а, случается, и четверня родится?

- Не знаю.

Тут иссякло терпение Иосифа ибн Забары, врача барселонского. Честный и бескорыстный лекарь, он потрясен был невежеством навязавшегося друга, и гневной отповедью оглушил самозванца.

- О, Эйнан, скудоумный! – начал Забара, - ты и толики малой не смылишь в деле врачебном. Хвастун, ветрогон и пустельга! Несчастен больной на исцелении у неуча.

Коновалы, тебе подобные, глядят на недужного и не знают, что спросить и где пощупать.

Торгуют ложными снадобьями, сулят исцеление обреченным, стращают немочью цветущих

– и все корысти ради. Тем временем хворые страстотерпцы принимают муки великие, покрываются коростами и чирьями, слепнут и глохнут, истекают кровью, горят в лихорадке, корчатся в судорогах и, лишенные вспоможения, вожделеют спасительной могилы. О сребролюбивых и невежественных лекарях сказал поэт:

“Врач жадною рукою
Все вытянет гроши.
Честнее смерть с клюкою:
На что ей барыши!?”

11. ЖУТКОЕ ПРОЗРЕНИЕ

Кто такие Иосиф ибн Забара и Эйнан? Первый – иудей и лекарь из Барселоны. Второй – его единоведец и собрат по ремеслу. Наспех подружившись – а что сделано наспех, то редко бывает хорошо – Забара и Эйнан отправились в дальние края искать признание и славу. Прежде чем путешественники достигли цели странствия, они добрались до города, где жил Эйнан, и в доме его сделали привал. Скупость угощения весьма насторожила Иосифа, и сердце его укололи пробудившиеся от дремы сомнения в чистоте помыслов новоявленного друга. И разгорелась меж Забарой и Эйном перебранка, и подступила ссора.

- Доколе будешь дерзить мне, уязвлять меня и хлестать чувства мои плетью языка твоего? – мученически спросил Эйнан, - ум твой глубок, а пропасть брюха много глубже! Мудрый Соломон говорил, коли алчна до пищи душа, так приставь нож к глотке!

- Довольно языком молоть! – ответил Забара, - неужто и впрямь вообразил, будто давешнее жалкое угощение здоровый желудок наполнит?

- Здоровый желудок твой с ненасытной пиявкой сравню.

- Говорю тебе, хватит воду толочь! Скажи-ка лучше, отчего я не слышал вечером рева осла моего? Может стена рухнула и придавила беднягу? – спросил Забара.

- Сытой скотине нет причины реветь!

- Удивительный дом! Гостю куска пожалели, а осла его уважили!

- Не веришь? Сейчас убедишься!

Эйнан позвал раба, на которого была возложена забота о четвероногом.

- Скажи, любезный, ведь правда, ты напоил осла и вдоволь задал ему сена и овса? – обратился Эйнан к рабу.

- Господин мой, я напоил осла и вдоволь задал ему сена и овса, - ответил раб.

- Насытившись чрезмерно, осел молчал, не имея сил реветь. Так дело было?

- Верно, господин. Насытившись чрезмерно, осел молчал, не имея сил реветь.

- Не иначе, аппетит осла подобен аппетиту его владельца, - обратился Эйнан к Иосифу, - оба все подметут и ничего не оставят, один в яслях, другой на столе.

- Я все до крошки съел по праву твоего радушия и по причине величайшей щедрости твоей!

- Как? Вновь насмехаешься?

- Шучу я!

- Не шутка это, а уязвление! Объял весь дом, меня самого смолотил бы железными своими челюстями! – вскричал Эйнан.

- Я с детства в отчем доме привык есть досыта, и отец учил меня оставлять чистыми стол и тарелку.

- Кто твой отец?

- Врач отменный и умнейший человек.

- Свидетельство его ума – воспитанная в тебе страсть к угождению чреву, - саркастически заключил Эйнан.

Любезную ночную беседу остановила ворвавшаяся мгла. Свеча погасла. Эйнан принялся звать на помощь раба, но тщетно. Тогда хозяин заявил гостю, дескать, жаль будить труженика, пусть себе спит и видит сны. Так и просидели оба в темноте, покуда утренний луч не пролез сквозь щели в ставнях.

- Буди раба, пора тесто замешивать. Напомни, чтоб закваску не забыл! – воскликнул Забара.

- У тебя еще вчерашнее бычье мясо меж зубов, а уж снова еда на уме! – упрекнул Эйнан, - ведь сказал мудрец, кто к пище добавляет пищу, тот утробу губит!

- Склоняю голову пред смысленностью твоей и пред зоркостью мудреца, да только вчерашняя трапеза давно переварилась, словно корова языком слизала.

- Обжорство твое вознаградится поносом, да таким славным, что до отхожего места добежать не успеешь! – пообещал Эйнан.

- С поносом вредные остатки из тела выходят, и оно оздоравливается, - возразил Иосиф, не убоявшись злорадного пророчества.

Пока поспевало тесто, Забара, чтоб скоротать голодное время, направился в хлев порадоваться довольству осла. Безобразное зрелище ослепило глаза. Порожние ясли, сухая бадья, и несчастное животное задыхается, ибо гнусный раб напихал ему в пасть ветоши, чтоб не слышать голоса голодной скотины. Забара бросился на выручку верному товарищу и освободил страдальцу глотку. Неблагодарный осел куснул своего спасителя, да еще и лягнуть пытался. Забара в гневе схватил палку и оставил ею след на серой шкуре. Тут, наконец, раздался долгожданный рев.

- Зачем ударил меня? – взвыл осел.

- Ты говорить умеешь? – изумился и еще более испугался ошалевший Забара.

- Не в том дело, может ли скотина говорить, а в том, может ли она страдать! – глубокомысленно изрек осел, - бог отверз мои уста. Я происхожу из рода говорящей ослицы Билама! Неужто палку заслужил?

- Да как же не бить тебя, коли ты кусаешься? – преодолевая ужас, спросил Забара.

- Пока вы с Эйнаном, с негодяем этим, объедались бычьим мясом, я терзался жаждой и голодом, и пасть мою рывала мерзкая ветошь.

- Я не Билам-ясновидец, откуда мне было знать о муках твоих, коли подлый раб божился, что ты сыт и в довольстве отдыхаешь?

Потомок говорящей ослицы не нашел возражений и смолк. Иосиф же стал размышлять о пророке Биламе, о коем в святых книгах сказано, что сам бог послал его благословить израильтян и победу им предсказать. Выйдя из задумчивости, Забара обратился к проклятому рабу.

- Почему, жалкий раб, ты издевался над моею животиной?

- Клянусь, я накормил и напоил ее! – прозвучал дерзкий ответ.

- Обманщик! Зачем заткнул ей пасть?

- Чтоб криков не слышать. У осла лишь злое на уме. Боюсь его: еще лягнет или укусит!

- Клеветник и лжец! Господину раб уподобится. Порочны слуги у нечестивого хозяина!

Проходивший мимо Эйнан услышал слова поношения, и гнев его возгорелся, и он решил, что пришло время сделать страшное признание.

- Забара, ты вновь срамишь-позоришь меня? – вскричал Эйнан.

- Зачем увел меня из милой сердцу Барселоны? Чтоб голодом морить? Злосчастен день знакомства нашего! – воскликнул Забара.

- С тобою вместе проклиная этот день! Хулы наслушался премного! Клянусь своею жизнью и жизнями потомков Ашмадая, огорчаться настала очередь твоя! Я ловко обманул тебя, ты видишь пред собою побег древа мощного и вечного!

Услыхав имя Ашмадая, бессмертного царя дьяволов, несчастный Иосиф ибн Забара задрожал всем телом, душа его заледенела, сердце, казалось, перестало биться. Он взглянул на Эйнана: лицо пылает, глаза – шары огненные, из ноздрей валит пар, словно горнило дымит.

- Не гневайся, господин мой, - заговорил Забара, от страха едва ворочая языком, - не ослышался ли я? От какого Ашмадая ты приходишь?

- Ты не ослышался! Я из рода владыки дьяволов, того самого Ашмадая, который перехитрил царя Соломона, и короны его лишил, и в пустыню изгнал! – торжествующе произнес Эйнан.

- О, горе мне! Дьявола я почитал другом своим! Зачем сразу не признался? Зачем обманул? Зачем родины лишил, отродье дьявольское?

- Видно, крепко и сладко спало разумение твое. Или его вовсе нет? Ведь знал, что звать меня Эйнан. Кабы сведущ ты был в премудрости древних фолиантов наших, то, розобравши это слово по буквам да по косточкам, нашел бы на святых листах упоминания о сынах царственного демона, и о внуках и правнуках его, и далее, покуда не добрался бы до имени моего!

Мир рухнул, непоправима катастрофа, сломан стержень души, наказан и обездолен Забара, и жуткое прозрение настигло его. И сказал барселонский лекарь в сердце своем: “Вот, дошел я до последней черты жизненной. Где ждет человека могила, туда ноги и приведут!” А Эйнан сжалился над несчастным и изрек великодушно: “Не бойся и не трепещи. Никому еще худо не бывало, кто со мной знался. Не покину тебя, пока не добудем славу. Расправь-ка грудь, и страх забудь, продолжим приключений путь!”

12. НАСТАВЛЕНИЯ ИЗБИРАЮЩЕМУ ЖЕНУ

Вот и подходит к концу странствие Иосифа ибн Забары и Эйнана, двух замечательных пилигримов. Забара житель города Барселоны, он благочестивый иудей и умелый лекарь. Эйнан навязался ему в друзья, сказавшись единоверцем и собратом по ремеслу, и обещал Иосифу, что они непременно добудут славу в дальних краях, и соблазнился барселонец, и пустились оба в путь-дорогу. Как-то раз Эйнан повинился товарищу, что обманул его, и что он и не человек вовсе, а дьявол в человеческом облики. И хоть ужасное признание потрясло Забару, но узы дружбы выдержали испытание на крепость – недаром неразлучные странники пуд соли вместе съели! Известно ведь: легче стерпеть обман от того, кого любишь, чем правду узнать прежде времени.

Итак, путешественники нашли пристанище на родине Эйнана в великолепном его доме. Скупость и негостеприимство хозяина имели следствием горячую ссору, которую сменил мир, охлажденный запоздалым покаянием очеловеченного дьявола.

Для упрочения шаткого примирения Эйнан стал знакомить Иосифа с родным своим городом. Видит Забара: ликует мерзость, торжествует бесстыдство, укоренилась в сердцах греховность, блещет красноречием богохульство. Нищие и бродяги, развратники и

блудницы, разбойники и воры, клеветники и злословники, ведьмы и колдуны кишат в домах, на улицах, на рынках, на площадях. Но сильнее всего Забара подивился великанам, коими изобиловал город.

- Гиганты эти – все, как один, люди вопиющей красоты и божественного уродства, открытого тела и гибкой души, беззащитной силы и дюжей слабости, беспросветного ума и блестящей глупости, - воодушевленно сказал Эйнан.

- Какая безнадежная ясность, какая прозрачная путаница! – заметил Забара.

- Не желаешь ли познакомиться с одним из великанов?

- С радостью!

И Эйнан указал Иосифу на человека огромного роста. Забара глянул снизу вверх и подумал, что великаны хороши лишь издали: лицо схоже с ослиной мордой, борода нечесана и простирается до пупа, и одежда грязная и зловонная.

- Кто это? – спросил Иосиф.

- Из нашей семьи, - гордо ответил Эйнан, - если дух его неомрачен – он особа милейшего нрава, но опаснее ядовитой змеи, когда зол. Жемчужина рода, большой праведник, предки его заканчивали достойный свой путь на виселице.

- Чем же примечателен обладатель сей завидной родословной?

- Ни один из смертных не сравнится с ним широтой сердца и глубиной ума.

- Поведай прежде, какими деяниями он являет красу души.

- Перечислять – не кончу до утра! - вдохновился Эйнан, - лишь несколько примеров сочных приведу. Он презирает умных и почитает дураков. Appetit его весьма умерен, не тебе чета. Возьмет, скажем, три-четыре луковицы, пяток-другой головок чесноку...

- Долек чесноку? – переспросил Забара.

- Головок, говорю тебе! Добавит фунтов десять редьки, сдобрит свежей зелени пучком, все это мелко покрошит, посолит хорошенько, перемешает, а потом умнет благоуханное кушанье с полдюжиной буханок хлеба на ранний завтрак.

- Щедрый к собственному желудку неминуемо добр к прихотям утробы ближнего! – заметил Забара.

- В точку! Ведь мы родня! Помнишь ли Иосиф, как славно ты угощался у меня, как обильно накормил тебя я бычьим мясом? Таков же и сокровник мой. Раз постучался в дом к нему скиталец голодный и мучимый жаждой. Великан щедрою рукой положил пред гостем очищенный от плесени сухарь, и водрузил на стол огромный жбан воды, чтоб сухость в горле предупредить. Заметив досаду на лице бродяги, уксусу принес в стакане.

- Пришелец, верно, растрогался и прослезился?

- Прослезился! Размазал слезы по чумазому лицу, вышел на улицу и заорал, во всю глотку:

Здесь живет негодяй,
Крохобор, скупердяй.
На столе – ни черта,
И тарелка пуста!

- Неблагодарный откусит руку кормящую. Нельзя быть добрым! – заключил Забара.

- Природа его такова. Говорят наши мудрецы: “Благородный мыслит благородно и в благородстве устоит.”

- Теперь похвастайся его умом.

- О чем хочешь спрашивай, все на свете ведомо ему.

- Что смыслит он в медицине?

- Знает хвори всех умерших и похороненных.

- Небесные науки для него не тайна?

- Его не проведешь, и он усвоил твердо: солнце – верный признак дня, а звезды загорятся к ночи.
- Силен ли в математике твой родич?
- Легко сочтет число буханок съеденного хлеба.
- Науку мер постиг он?
- Само собой! Он пядями измерит ширину брюха своего, вершками длину бороды исчислит.
- Музыкален ли его слух?
- О, в высшей степени! Рев осла не спугает с собачьим лаем.
- Каковы его познания в зачатии и в деторождении?
- Он не ошибется: женщина с большим животом – беременна.
- А понимает ли он в иудейских законах наших?
- Безусловно. Увидев обнаженного мужчину, он тут же безошибочно определит, обрезан тот, иль нет.
- Никак в толк не возьму, милейший, зачем нахваливаешь это бездушное и невежественное создание? – задал Забара откровенный вопрос.
- Хочешь правду? Я о нем весьма худого мнения, - дал Эйнан откровенный ответ, - он как Омри, нечестивый царь израильский, поругатель заповедей богоданных. Лишь ради дочери его разливаюсь соловьем. Полюбил ее всем своим дьявольским сердцем и другую в жены не хочу.
- Чем же покорила тебя девица?
- Красою редкой и умом необычайным. Кудри ее вьются, черны, как ворон, глаза – два голубя, губы – красный кармин, зубы – перлы белоснежные, груди – два граната. И нет у меня более слов на устах, чтоб описать прелесть ее. Вдохновленный, я сочинил стихи:

Солнцем сверкает твой лик,
И блещут жемчужные зубы,
И сердце пленяют вмиг
Желанные алые губы.

Душу я предал огню
Любви, не алча спасенья.
Замкнул за собой западню
В сладостный рай вознесеньем.

- Небесная поэзия, однако, черти в рай не возносятся, - заметил Забара.
- Ради красного словца приврал! - объяснил Эйнан.

Незлопамятный Иосиф ибн Забара, видя, что коловратный товарищ его стоит на краю пропасти и готов сделать последний роковой шаг, приоткрыл влюбленному дьволу завесу над катастрофическими последствиями негодной женитьбы.

- Внемли мне, друг переменчивый, - начал наставления Иосиф ибн Забара, - помни и не забывай: дочь за отцом следует, вбирает грубость отчего дома. Чернь в потомстве себя повторяет, и всегда жди от нее беды, и не надейся на чудо. Последнюю рубашку продай, да женись на дочери знатока торы, тогда и дети станут учеными. А возьмешь девицу из низов, и сыны твои смешаются с чернью. Непозволительно сближаться с простонародьем. Нельзя отправляться в опасный путь с человеком темным и пустым, ибо он свою жизнь ценить не умеет, а жизнь товарища - и подавно. И запрещено доверять черни тайны, и свидетельства ее ложны. А кто отдает дочь простолюдину в жену, тот связанную овечку перед пастью льва кладет. Будет дикарь бить и насиловать несчастную, не ведая стыда. И станет нарушать закон нечистоты в первый, во второй, и в третий день женской крови. И хоть редко, да случается, что понесет жена от греховного совокупления, и смешается нечистая кровь с

семенем, и народится на свет порочное чудовище. Мудрецов и знатоков торы чернь ненавидит люто, в злобе своей превосходит она врагов народа иудейского. И да спасет бог человека достойного от соединения судьбы с чернью. И еще присовокуплю, не бери жену за богатство или за красоту, ибо золото тускнеет, краса стирается, а пороки остаются.

- Ах, Иосиф! – расчувствовавшись воскликнул Эйнан, - ты великодушен, незлопамятен и истинно любишь меня. Наставления твои несравненны, наблюдения непогрешимы, советы бесценны. Лишь по слову твоему поступлю, не возьму жену из простонародья, а стану искать благородную. Молю тебя, друг, помоги мне!

- Я найду тебе, Эйнан, жену из хорошего дома. Отец ее – просвещеннейший человек, решительная противоположность твоему невежественному родичу-великану. Девица праведная, скромная, умная и собой недурна. По три, по четыре, по пять раз в день станешь вкушать божественную трапезу и не насытишься!

- Не иначе, невеста происходит из твоей семьи.

- Будешь с ней счастлив.

- Надеюсь, ты приведешь мне хорошую жену, непохожую на одну прачку, с которой я когда-то свел знакомство.

- Поведай-ка сию историю! - потребовал Забара.

- Так слушай же, - сказал Эйнан.

Рассказ дьявола о вероломной прачке

Забрел я как-то в некий город, и намерения у меня были благородные – посеять смуту, разжечь ссоры, свести горожан с ума. Скучное место оказалось, ничего у меня не вышло, и понял я, что достойного зла мне тут не сотворить.

Сижу себе на берегу реки, грущу, думаю, пора возвращаться восвояси. Тут подходит к реке женщина с бельевой корзиной, стирать собирается. Поглядела на меня пристально и спросила: “Ты из людей или из чертей?” Я подивился изумительной пронизательности ее и ответил: “Рос я с людьми, а порожден чертями.” Она хитро вытянула из меня причину моей печали и давай насмехаться: “Вы, дьяволы, наукам вашим обучены, гордые, важничаете сильно, а на поверку-то – рохли! Я хоть и простая женщина, неграмотная и косноязычная, а такую славную смуту затею – пальчики оближешь и век будешь мой урок помнить!” Я с готовностью согласился поучиться. Оставив на мое попечение корзину, женщина ушла, а я остался дожидаться ее.

Прачка постучалась в богатый дом. Молодая хозяйка впустила ее, собрала для стирки одежду, свою и мужа. Труженица не уходит, стоит на пороге.

- Не иначе, сказать что-то хочешь? – спросила хозяйка.

- Хочу, да боюсь слово молвить, - ответила прачка, потупившись.

- Говори, что душу твою тяготит?

- Ты молода, жизни не знаешь. А ведь мужчины хуже дьяволов! Обманщики, притворщики и изменщики. Все до одного!

- Мой муж не таков!

- Ах, бедняжка! По дороге встретился мне твой супруг, выходил из дома блудницы, всему городу известной. На кого променял молодую и красивую, чистую и нежную?

- Что ж мне делать теперь? – спросила хозяйка, и лицо ее стало белее снега.

- Мне горько горе твое. Я спасу тебя, голубка, от позора и верну мужнину любовь, если обещаешь выполнить, что велю тебе!

- Обещаю, о, благодетельница!

- Как придет домой неверный, не подавай виду, что тайну знаешь. Сладко накорми и напои мужа. Потом подластись, положи голову его к себе на колени, а когда разомлеет он и

задремлет, возьми припасенную острую бритву и срежь с бороды его три волоса. Отдашь их мне, и приготовлю из них приворотное зелье, и ты подбавишь его в вино, и изменщик навсегда забудет на других глядеть, и вернется любовь.

Так сговорились женщины меж собой, и прачка ушла. Она направилась напрямиком в кофейню, где имел обыкновение сиживать мнимый гуляка. Выманила его и смело начала разговор.

- Ах, господин мой, я только что из твоего дома, - вымолвила прачка, - молодница дала мне одежду постирать, вот и твои вещи тут!

- Похвально, бери монетку за предстоящие труды, - сказал мужчина.

- Как ты добр, и как желаю тебе добра! И потому не в силах молчать, хоть и говорить страшно.

- Ничего не бойся, говори.

- В доме твоём видела юного удальца. Он обнимал твою жену, и я подслушала любовное их воркование. А потом он сказал, что жить без нее не может и велел ей убить тебя.

- Боже, праведный! Да неужто касатка моя на черное дело горазда?

- Он научил ее. Дескать, как придет муж, сладко накорми и напои его, подластись, голову его положи на колени себе, а когда розомлеет и задремлет, возьми припасенную острую бритву и перережь ему горло. А тут я примчусь, схвачу тебя и унесу в страну вечной любви.

- Ты принесла мне недобрую весть, добрая женщина. Беда нагрянула! Но защитити сумею себя и честь свою!

И бедный муж кинулся домой и с порога потребовал у жены еды и питья. И она была с ним особенно ласкова, и положила его голову себе на колени, и муж притворился спящим, и жена достала бритву, и он вскочил на ноги, и выхватил орудие злодеяния из маленькой нежной ручки, и свершил скорый суд над безвинной и любящей.

И часу не прошло, как страшная весть долетела до братьев убитой. Они ворвались в дом и страшной мстью отомстили за сестру, добавив кровь к крови. И восстали друг на друга два рода, и вспыхнула междоусобная бойня, и множество бездыханных тел обезобразили мирные площади и улицы, и вода в реке стала красной, и пошла по городу великая смута.

А я сидел себе на берегу и ждал возвращения прачки. К вечеру явилась она довольная собой и объяснила мне, почему река алеет. "Это твоих рук дело?" – спросил я, потрясенный. "Это не рук, но ума моего дело!" – гордо воскликнула женщина.

На этом Эйнан закончил историю о вероломной прачке. Он сказал Забаре, что поначалу восхитился деянием женщины и даже позавидовал природному дару ее, но по здравом размышлении содрогнулся от ужаса и дал себе клятву не творить впредь зла.

- Ах, Иосиф, в молодости я был женат и весьма страдал от вздорного нрава супруги, - сделал Эйнан еще одно признание.

- Так-так, и что же? – ухватился Забара.

- Зловредность женушки все больше досаждала, и я подумал, не уподобится ли она коварной прачке. Я дал ей разводную и отослал из дома. Прощальное слово я сказал стихами:

Пусть прекрасна лицом и, как роза, нежна,

Вопрошают глаза: "В чем я, милый, грешна?"

И грохочет в ответ мой праведный рык:

"Склоки, дрязги и злой неумный язык!"

- Я приведу тебе замечательную жену, всеми мыслимыми достоинствами отмеченную, с душою чистой и безгрешной, - вновь пообещал Забара.

И было по сему. И Эйнан женился на дочери одного из лучших друзей барселонского лекаря, и полюбил, и взаимности удостоился. И напутствовал новобрачных Иосиф ибн Забара: “Вейте любви благородной гнездо, в счастье живите лет эдак сто!”

13. У ЧУЖИХ МАЕТА, У СВОИХ ЛЕПОТА

Жил когда-то в городе Барселоне человек иудейской веры по имени Иосиф ибн Забара. Жил достойно и праведно, скромно и тихо. Врачевание – ремесло и искусство его. Равной мерой прилагал умение свое ко всем недужным, целил и юношу и старика, и богача и бедняка, и господина и раба. Люди тянулись к нему, восхваляли, почитали, искали благорасположения его. А он отвечал верностью, дружбой и любовью.

Однажды свалился на голову Иосифу незванный гость. Визитер, коего звали Эйнан, был высок ростом, речист и благонамерен. Он изумил хозяина возом гостинцев, с собой привезенных, и сладкими речами склонил Забару к ублажению чрева. По окончании роскошного застолья Эйнан предложил барселонцу оставить родные места и отправиться вместе с ним в дальние края, и пообещал привести его в страну, где деяния и заслуги лекаря будут почитаемы выше, чем на родине.

Прельстила Забару мысль Эйнана, да нелегко довериться незнакомцу. Хозяин и гость стали рассказывать друг другу всевозможные небылицы, полагая в этом путь к доверию. Заметим к слову, что немало занятных побасенок украшают страницы “Книги увеселений”, сочиненной Иосифом ибн Забарой. Всякий, кто сподобился прочитать ее, позабавился историей о хитрой лисе и глупом льве, подивился приключениям двух мертвецов, умилился вероломству некой прачки и был вознагражден за рвение еще многими затейливыми байками.

Развлекая друг друга, Забара и Эйнан премного бросили камней в особ женского пола, густо населяющих их басни. Не секрет, что разговор о женщинах и худших их свойствах чрезвычайно сближает мужчин. Посему и неудивительно, что наши герои подружились, и, то ли к худу, то ли к добру, отправились в путешествие.

Вот, едут они не торопясь, солнышко ласково пригревает, ветерок попутный дует в спину, ослики послушны седокам, и на сердце благостно.

Многоликий мир не скупится на новизну, и наделенному жадным умом путешественнику некогда скучать. Два пилигрима давненько уж бродят по белу свету и в охотку алкают из чаши новых знаний. Порядочно удалились они от Барселоны, родимого гнезда лекаря Забары.

Они друзья меж собой и друзья путей-дорог, прямых и кривых, широких и узких, гладких и колдобистых, верных и скользких, короче, всех и всяких без разбору. Странники обошли полмира, и полмира впереди.

Каверзы долгого пути прочно сроднили души двух путников, но как добрались они до родины Эйнана и как стали ужинать в доме его, показалось Забаре, что Эйнан скуп и нехлебосолен, и случилась меж товарищами размолвка.

Известно миру, что сердцевина мужской дружбы тверда, как камень. Если же нутро вещи незыблемо, то наружную трещину легко заделать, или затянется сама. Быстро преодолен раздор, и в порыве примирительной откровенности Эйнан покаялся в обмане, признавшись, что он и не человек вовсе, а дьявол в человеческом облики. И хоть ужасное признание потрясло Забару, но узы дружбы выдержали испытание на крепость, и не случилось разрыва.

Эйнан познакомил гостя со своим родным городом, и Забара увидел бесчисленно мерзостей всех мастей и родов. Очеловеченный дьявол поведал праведному другу о своем намерении жениться, и тот нашел ему невесту.

И произошел меж Забарой и Эйнаном важный разговор, предваривший расставание друзей.

- Доволен ли женой, которую я выбрал тебе? – спросил Забара.
- Души улада, упоение, блаженство! – ответил Эйнан в непривычных для дьявола выражениях.
- А я томлюсь, загостился, домой пора.
- Не нравится тебе у нас?
- Не покривлю душой – мерзко все и гнусно. Справа мошенник и слева пройдоха. Юнец дерзит старцу, убогий восстает на почтенного. Живут шиворот-навыворот. Не умом и геройством гордятся, а дурью и распутством. Поносят и срамят богом данную тору, сердце народа нашего. Клевета и сплетни на устах, - сказал Забара.
- А ведь сказано в книгах, что злословие убивает троих: того, чей язык, того, чьи уши, того, кто на языке! – поддакнул Эйнан.
- Дерзость в глазах, и кротких мало.
- Говорят: с дерзких лицом – в ад, с кротким – в рай, - подтвердил Эйнан.
- Есть в городе твоём усердно молящиеся утром, днем и вечером, но двулики святоши эти. Не верны богу и в грехе погрязли. Души больны – скудоумие да юродство, тела хворы – дурная болезнь да падучая, - продолжил Забара.
- Хоть праведник мнимый
Кумир у людей,
Но грешник гонимый
Много честней! – привел Эйнан слова поэта, желая угодить Иосифу.
- Друг мой! – воскликнул Забара, - я долго гостил у тебя. Тяжела жизнь на чужбине неприветной. Сердце рвется в Барселону, к своим. Там солнце теплее, небеса голубее и души роднее!
- У чужих маета, у своих лепота! – добавил Эйнан и смахнул слезу.
- Отчизну покинешь, а от себя не убежишь. Вернись на родину к занятиям своим и к умеренной славе своей, и заживу жизнью благочестивой, и умру смертью праведника, и господь удостоит меня пребывать с ангелами в высших мирах.
- Аминь!

Обложка: Средневековый врач, средневековая гравюра